

Дмитрий Карпин

ВОЛК

ТАЙНА ЧЕРНОЙ ПИРАМИДЫ

16+

Он молодой дворянин, Петербургский мажор 19 века... Он считает, что познал все: от прелестей придворных дам, до крови Кавказской войны. Но случается неожиданное: он оказывается неугоден при дворе и попадает в Сибирь – обычным ссыльным в ржавых кандалах. Здесь еще живы легенды о шаманских проклятьях и поговаривают, что где-то в тайге есть таинственный древний город, старше, чем само время. И кто его найдет, обретет то, что ценнее любых сокровищ на Земле...

Зачин

Сибирь.

Лето 1189 год.

Отряд рыцарей, более привыкший к пескам иерусалимской земли или к дорогам Европы, пробирался через дикую таежную чащу. Воины были облачены в кольчуги и шлемы, у пояса каждого висел меч. Их плащи, когда-то белые, сейчас выглядели грязными и поношенными, лишь кроваво-красный крест, символ ордена тамплиеров, на ткани смотрелся все столь же гордо. Каждый рыцарь вел за собой по лошади с провизией и снаряжением.

Сейчас отряд насчитывал всего семерых. Из пятнадцати человек, покинувших Париж более года назад, сюда вглубь тайги дошли меньше половины. Самым сложным и опасным оказалось пересечь княжества руссов и не попасться православным, не чтущим истинную католическую веру. И это было куда как не просто... В нескольких стычках с местными и погибла большая часть отряда, несмотря на то, что рыцари пробирались тайком, прячась под чужими личинами и не привлекая внимания.

Но семеро все же дошли. И теперь они должны выполнить поставленную орденом задачу и не важно какой ценой! Магистр дал четкие указания: найти древний город, а в нем центральный храм, чтобы то, что находится внутри, никогда не попало в неверные руки.

– Командор, – позвал один из рыцарей, идущих впереди. – Смотрите! Что это? – Он указал на небольшой холм, возвышавшийся из земли, поодаль от него стоял такой же, за ним еще один и дальше.

Тот, кого нарекли командором, рыцарь без шлема с длинными черными волосами и бородой, которых уже успела коснуться седина, подошел к холму. Он вынул из ножен меч, хороший клинок дамасской стали, торжественно врученный за особые заслуги перед орденом, и одним быстрым и отточенным движением вогнал его в землю. Раздался глухой звук и меч остановился, будто ударившись о камень. Рыцарь вытащил клинок из земли, бережно вытер его, после чего вновь вложил в ножны. Протянув руки, он начал разрывать землю.

– Все сюда! – скомандовал он, и остальные войны кинулись на помощь и тоже принялись отдирать траву и рыть землю.

И вскоре им открылось то, что было скрыто тысячелетиями – они увидели каменную кладку.

– Похоже, мы нашли что искали, – вздохнул командор.

Он отошел от полуочищенного сооружения и взглянул вдаль, туда, где между мерно качающихся сосен возвышались десятки, а может даже сотни подобных холмов, поросших травой и мхом.

– Нам туда, – указывая вдаль, сказал командор.

– Как скажешь, Лонка, – произнес рыжебородый и вздохнул. – Неужели мы дошли, и это место действительно существует?

– Выходит, что так, – усмехнулся командор Лонка. Он вновь вытащил из ножен дамасский меч, который тут же блеснул на солнце и, взяв под узду коня, первым пошел вперед. – И помните, это город дьявола, так что все будьте начеку! – крикнул он напоследок.

– Да поможет нам Господь, – рыкнул рыжебородый и, надев шлем, последовал за командором. Следом двинулись и остальные.

Они шли вперед мимо деревьев и странных заросших сооружений. Шли долго, и этим холмам не будет конца. Но неожиданно вдалеке рыцари увидели что-то большое и темное. Казалось, это очередной холм, но в сотни раз больше.

– Туда, – скомандовал командор.

Отряд двинулся к огромному холму. И по мере приближения из глубины леса перед ними начали вырисовываться черты этой громадины. В отличие от мелких сооружений, новое здание не было засыпано землей, и рыцари четко разглядели его темные каменные стены, ступенями уходящие вверх. Больше всего древняя постройка напоминала пирамиду. Когда-то в молодости Анри Санчесу Лонка довелось побывать в Египте и увидеть гробницы фараонов. Так вот это здание было на них похоже, только выглядело немного иначе. Стены тех пирамид издали казались гладкими, а эти будто разделены на ярусы. Те пирамиды не имели входа, а у этих с каждой стены располагались каменные ступени ведущие вверх. Да и сам камень пирамиды не походил ни на что виденное Анри Санчесом ранее, этот камень был черным, как сама тьма, и, казалось, будто он поглощал свет, создавая вокруг себя легкую дымку.

– Кто мог построить такое? – спросил один из рыцарей.

– Только дьявол! – ответил Лонка.

Вдруг лошади испуганно заржали. Одна из самых резвых вырвалась и побежала прочь.

– Они чуют происки дьявола, – пробурчал рыжебородый, шедший следом за командором.

– Успокойте и привяжите их. Ту, которая убежала, мы поймем позже. А сейчас у нас есть миссия. Да не убоимся мы и пройдем во имя Господа нашего! – напыщенно произнес Лонка и двинулся вверх по ступеням.

– Аминь, брат, – кивнул рыжебородый и ступил на лестницу вслед за командором. – Да поможет нам Бог!

Остальные пятеро, привязав лошадей, двинулись следом по высоким ступеням. Казалось, будто древние зодчие, создавшие эту пирамиду, мерили ступени явно не под человеческий рост. Ступени были высокие, и чтобы ступить по ним, приходилось сильно задирать ноги.

Наконец, рыцари достигли вершины. И там под куполом они увидели проем, ведущий внутрь. Проем выглядел пугающе, и тьма скрывала то, что находилось там в глубине.

– Нам понадобится свет, – сказал рыжебородый.

Командор Лонка кивнул. Рыцари достали факелы и, выбив огонь, зажгли их.

Первым во тьму проема ступил командор, тьма поглотила его, и остальные двинулись

следом. Факелы осветили длинный нисходящий коридор и каменные стены, с начертанными на них древними письменами. Лонка осмотрел стену, но символов подобных этим он раньше не видел.

– Язык дьявола, – хмыкнул рыжебородый, разглядывая письмена.

Лонка кивнул и двинулся дальше. Отряд шел следом вниз по коридору. И вскоре на их пути встретилась первая развилка.

– Куда? – спросил один из рыцарей.

– Может нам стоит разделиться?! – предложил рыжебородый. – Так мы быстрее найдем то, что ищем.

– Это опасно! – ответил Лонка.

– Анри, брат, мы рыцари Бога, мы несем истинную веру, – гордо заявил рыжебородый. – Мы сражались с тобой против язычников в пустынях Египта и Сирии, мы защищали стены Иерусалима, когда Саладин взял его. Но даже он пощадил нас. Мы Тамплиеры, нас защищает сам Господь! Отчего же какая-то пирамида должна быть для нас опасна?

– От того, что эту пирамиду выстроил сам дьявол! – сказал Лонка.

– Про египетские пирамиды когда-то говаривали то же. Но мы с тобой видели их и это лишь простое нагромождение камней.

– Не противоречь мне, Гуго! Пока что командор здесь я! И я говорю, что мы не разделимся!

– Как скажешь, – простодушно махнул рукой тот, кого звали Гуго. – Но тогда какой путь избрать?

– Тот, что лежит от сердца, – произнес Лонка и двинулся в левый проем.

Этот коридор уходил также вниз, но уже не под таким сильным уклоном.

Неожиданно один из рыцарей, идущих сзади, вскрикнул. Товарищи обернулись и увидели, как тот проваливается вниз, а затем плита над ним задвигается. Несколько рыцарей ринулись на помощь и попытались вскрыть пол, но ничего не получилось, никаких отверстий, чтобы поддеть плиту или отодвинуть ее не нашлось. Да и криков товарища они тоже уже не слышали.

Гуго громко выругался и сплюнул, после чего посмотрел на командора. Тот лишь с сожалением опустил голову.

– Будьте осторожны, – приказал Лонка. – Ступайте след в след и ничего не трогайте. За нашего брата мы помолимся позже.

И они снова устремились по коридору. Вскоре на их пути встретилась новая развилка. Лонка вновь решил, что надо идти налево, и группа двинулась вниз, к центру пирамиды. Как вдруг позади раздался крик. Все обернулись и увидели новую жертву, пронзенную странным удивительно острым, не похожим ни на что виденное ими ранее, копьем.

– Что за черт? – ударив кулаком в стену, прокричал Гуго. – Мы теряем одного нашего брата за другим!

Лонка подошел к пронзенному копьем рыцарю и, положив ладонь ему на лицо, закрыл веки погибшего товарища.

– Покойся с миром, брат, орден тебя не забудет... мы тоже. – После чего он развернулся и молча двинулся дальше.

Факел освещал стену пирамиды и начертанные там рисунки. На стене были изображены какие-то странные люди с копьями в руках. Только вот люди ли это? Лонка присмотрелся, что-то в их облике казалось ему необычным, и не сразу, но он все же понял, что! У этих

людей не имелось зрачков в глазах.

«Наверное, древние боги язычников», – подумал Лонка и не стал больше забивать себе этим голову.

И вот на их пути появилась новая развилка, но уже состоящая не из двух, а их четырех ответвлений.

– Ну, а теперь куда? – спросил Гуго.

– Не будем изменять принципу, – произнес Лонка.

Один из рыцарей двинулся в самый левый проход, и вдруг его охватило пламя. Рыцарь вспыхнул и с криком побежал вперед по коридору. Пирамида заполнилась адским воплем. Последний крик умирающего эхом пронесся по всем коридорам, такой он оказался ужасный.

– Похоже, он обезвредил расположенную у входа ловушку, – хмыкнул Гуго. – Проверь ты! – он ткнул пальцем в стоящего рядом воина.

Тот испуганно посмотрел на Лонку.

– Ступай! – кивнул командор.

Рыцарь сделал шаг в проем, затем еще один, но ничего не произошло.

– За ним, – велел Лонка.

Группа из оставшихся четырех тамплиеров двинулась дальше. Последним в проем коридора ступил командор. С сожалением он посмотрел на догорающий труп брата по ордену, и, покачав головой, пошел следом за остальными.

Спустя какое-то время туннель кончился, и перед рыцарями открылся просторный зал. Тамплиеры остановились, они осветили стены и все вокруг. На стенах оказались изображены какие-то языческие ритуалы. Лонка разглядел как людей, высеченных на барельефе, пожирают невиданные твари с огромными клыками и змеиными хвостами. Чудовища обедали, а в очередь к ним стояли все новые и новые жертвы.

– Грязные кровожадные язычники, – выругался Гуго, тоже рассматривающий стену.

Кто-то из рыцарей осветил пол, и все увидели, что он покрыт ямами, неизвестно для чего предназначенными и куда ведущими.

– И как это никто из нас не провалился? – удивился один из рыцарей.

– Потому что ты смотрел туда куда ступаешь, болван, – хохотнул Гуго.

– Мы выбрали не тот туннель, – наконец сказал командор.

Выхода из зала не было. Лонка опустил факел к одной из ям. Легкий сквозняк потянул пламя на себя.

– Тогда для чего нужна эта комната? – задумчиво произнес командор.

Неожиданно его факел потух. Ветерок вдруг усилился и сбил пламя с остальных факелов. Стало темно, по телу пробежал легкий холодок.

– Надо скорее разжечь огонь, – гаркнул Гуго.

Откуда-то из глубины донесся непонятный звук, напоминающий шипение. Рыцари беспокойно задвигались и выхватили из ножен клинки.

– Что это? – спросил один из тамплиеров.

– Что бы это ни было, мы не убоимся этого! – гордо рявкнул Гуго. И вдруг он закричал и упал, выпустив меч. Что-то схватило его за ногу и потащило в яму.

Темноту пронзил новый крик, что-то напало еще на одного из рыцарей. Лонка почудилось, что нечто надвигается и на него, он рубанул мечом и попал... Клинок поразил чье-то тело. Этот некто взревел страшным душераздирающим криком, и командор увидел перед собой два красных глаза с вертикальными, горящими в темноте, зрачками. Нет,

человеку они точно принадлежать не могли!

«Это дьявол!», – в ужасе подумал Лонка и ударил мечом в эти страшные горящие глаза, но промахнулся и ощутил, как неведомое существо повалило его на пол, а затем впилося острыми клыками в плечо, пронзив кольчугу. Лонка закричал и схватил тварь за голову, а затем его пальцы впились этому демону в глаза. Чудовище взвыло и командор, отшвырнув его, поднялся и прокричав:

– Бежим отсюда!

рванул в коридор.

За ним кинулся еще один рыцарь. Неведомые демоны бросились следом. Лонка что есть мочи бежал вперед по коридору, рисуя карту туннеля по памяти. Вот он покинул первый коридор и устремился в следующий, товарищ бежал за ним, а сзади раздавалось противное нагоняющее шипение. Лонка покинул второй коридор и рванул в последний. Позади себя он слышал крики бегущего за ним, но не осмелился обернуться, поскольку шипение становилось все ближе. И вот, наконец, он увидел впереди свет, что есть силы командор тамплиеров рванул вперед и прыгнул в раскрытый проем.

Лицо озарили солнечные лучи, а затем он упал на лестницу и покатился по ступенькам. Наконец Лонка остановился и, озираясь по сторонам, поднялся. В страхе он ожидал, что демон сейчас выскочит на него из глубины туннеля. Но никто не спешил показаться наружу. Вместо этого рыцарь слышал шипение и увидел несколько пар красных горящих во тьме глаз, с ненавистью уставившихся на него.

«Похоже, эти твари боятся солнечного света?!» – подумал Лонка.

Рыцарь схватился за раненое плечо. Из плеча сочилось кровь, и оно сильно болело. Командору внезапно стало дурно, он пошатнулся, и чуть было не потерял сознание. Но затем, овладев собой, сдержался и побрел вниз по ступеням. Солнце заходило, и ночью он хотел оказаться как можно дальше от этого места.

Пролог

Кавказ.

1828 год.

Совсем еще юным Владимир впервые познал запах пороха. В семнадцать он попал на Кавказ. Отец постарался. Его отец, Михаил Волков, был военным. Всю жизнь он прослужил при государе Александре I и стал героем Отечественной Войны. Поэтому служение короне и Императору он считал превыше всего остального. К тому же, батюшка являл чрезмерное неудовлетворение собственным дворянским отпрыском. Считал его изнеженным маменькиным сыночком, приученным говорить по-французски и читать вздорные романы, только и способные, что портить молодую голову.

– В полку из тебя сделают настоящего мужчину, – часто говаривал отец, – а не вшивого французика, каким тебя хочет вылепить мать!

И эти слова обернулись пророчеством. По достижению семнадцати лет, после кончины маменьки, отец отправил молодого отпрыска на Кавказ. В эту жаркую непривычную и дикую для русского сердца местность. Мальчишкой из дворянской семьи он попал в строй к солдатам. Хорошо, что компания оказалась достойной. Среди солдат такие же выходцы из приличных домов империи, как и он. Такие же дети вздорных отцов, героев войны, либо

мелких помещиков.

С двумя из братьев по несчастью Владимир сблизился куда больше, чем с остальными. Они были молоды, и, так же, как и он, грезил великими свершениями. Один из них юный мечтатель с весьма ветреной натурой Павел Зайцев, сын мелкого петербургского чиновника, отроду шестнадцати лет. Другой восемнадцатилетний дворянин Алексей Орлов – сын военного, гордый и благородный юноша.

Троица была молода и самонадеянна и уже представляла себя новыми героями отечества. Но все оказалась иначе и куда прозаичнее. Кавказ встретил их суровой реальностью. Палящее солнце, горы, песок, змеи. И, конечно, горцы, с которыми приходится воевать. Дикий народ, готовый вгрызться тебе в глотку и сражаться до последнего, так как того требует их горская честь. А те, кто якобы на твоей стороне только и делают, что постоянно обманывают и лишь ждут подходящего момента, чтобы облапошить.

В первые дни они попали в крепость, расположенную неподалеку от горского поселения, якобы покорного Империи. Жители этого поселка поставляли в крепость баранину, сыр и свежее молоко. Им за это платили, но горцы постоянно торговались и жаловались, набивая цену. Весь день Владимир и его товарищи занимались: отрабатывали маневры или тренировались в крепости под палящим солнцем. Три раза в день они ели, а по вечерам располагались в казармах. Только тогда можно было немного отдохнуть, поиграть в карты с друзьями или поупражняться в стрельбе на вечернем воздухе, поскольку в казармах всегда стояла духота, и пахло потом. Радостью являлись бани, но это удовольствие выпадало нечасто.

Зато часто по вечерам они уходили в горы. Здесь было одновременно и страшно и красиво. Страшно от того, что в темноте можно не увидеть и наступить на змею или ненароком споткнуться и упасть вниз. Еще оказалось страшно засыпать на посту. Случайный горец не упустит момента, чтобы с радостью перерезать тебе горло. Но иногда по ночам в горах под сводами звезд, когда смерть подстерегает тебя, становилось так красиво и по-особому спокойно. Это чувство нравилось Владимиру, и он полюбил его так же, как и вдыхать воздух диких гор.

Спустя полгода в крепость пришли еще несколько полков. Готовилось крупное наступление. Солдаты оживились, кто-то поносил чертом день, когда появился на свет, а кто-то ликовал от восторга, жажда слав. Волков и его друзья были среди последних.

И вот их войска двинули вглубь Кавказа. Завоеванная на тот момент территория оказалась позади, а впереди распростерлась дикая и озлобленная страна горцев.

Шли дни. Они сопровождалась долгими и изнурительными переходами под палящим солнцем. Пить из горных колодцев оказалось опасно, горцы часто отравляли их. Воду приходилось экономить. Несколько раз, чаще по ночам, на них нападали. Враги совершали набеги стремительно и, в основном, мелкими группами, пытаясь застать русских врасплох, забрать чью-то жизнь и скрыться. Но солдатская дисциплина являлась строгой, а выучка хорошей. Часовые были готовы и встречали неприятеля ружейным залпом. В один такой день Владимир впервые забрал человеческую жизнь, сбив с коня всадника, размахивающего шашкой и скачущего прямо на него.

Но все эти столкновения серьезными назвать было никак нельзя. До этого горцы лишь проверяли русское войско, прощупывая его ряды, и настоящее сражение только предстояло.

После нескольких недель, проведенных в походе, войско добралось до крупной чеченской крепости. Пришел приказ – взять ее. Крепость, обнесенная высокой стеной,

находилась в горах, и выглядела неприступной. Но генерал сказал, что это не проблема.

Началась осада. Пушкари принялись за дело, остальные заняли свои позиции. Горцы высыпали на стены крепости и ощетились, как дикие звери. Светило яркое солнце, стояла адская жара. Владимир с друзьями в строю обливаются потом. Каждый держит в руке ружье, каждый готов и ждет только команды.

Наконец, прозвучали первые пушечные залпы. Ядра полетели в каменные стены, в бойницы окон и в людей, защищавших крепость. Из-за обильного дыма ничего нельзя разобрать. Пошли тягостные минуты ожидания...

Батареи отработали славно, разбив ворота и часть стены. И вот настал момент истины. Прозвучал сигнал к штурму, и первая колонна пехотного полка, под барабанную дробь, двинулась вперед. Следом пришли в движение и остальные части, назначенные к штурму. Первые сто шагов прошли как на параде, вытягиваясь из узкой горловины холмов, а затем, на открытом участке перед крепостью, офицеры развернули колонны. Еще сто шагов... Единственная, чудом уцелевшая пушка горцев, яростно выплюнула заряд, и почти все, шагавшие рядом с Волковым инстинктивно втянули головы в плечи. А ему было невдомек, что за ерунда – ведь не каждая пуля в лоб?! Владимир расправил плечи, да, пусть даже это ядро предназначено именно для него. Пусть! Но счастливый случай хранил его.

Еще сто шагов, и стены крепости окутались дымом, горцы открыли ружейную пальбу. Не слишком метко, но довольно часто, оставалось только позавидовать их проворности в перезарядке. И все же смерть не с закрытыми глазами. Волков видел, как падали его товарищи, сраженные пулями. Смерть была рядом, но его это не пугало. «Не кланяться, только не кланяться...», – твердил он себе. Еще десять шагов и штаб-офицеры подали команду. Идущие в авангарде казаки рванули вперед, а следом за ними и пехотные полки перешли на бег. Пионеры с лестницами бежали неуклюже, но именно от них сейчас зависел успех. Добегут, не добегут. Добегут, но сколько... вот трое... пятеро пионеров упали. Лестница дрогнула... но вовремя подхваченная казаками вновь пошла к цели. А вот и стена. Лестницы поплыли вверх, встали, и тут же по ним устремились казаки. Стрельба усилилась. Вниз, на атакующих, полетели камни, полилась расплавленная. Небо пронзили душераздирающие крики, перекрывающие ружейные залпы. Но попытки взобраться по лестнице не прекратились. Все новые и новые воины, прикрываемые стрельбой товарищей, лезли на стену и с криками, раненные, либо мертвые падали вниз. Горцы защищались, словно извергнутые преисподней демоны. Они отстреливались, кололи пиками и рубили шашками. В этот момент хотелось молиться, лишь бы только не оказаться там наверху.

Но неожиданно все сдвинулось с мертвой точки, и в неприступной обороне неприятеля образовалась брешь. Один из казаков разрубил горло незадачливому горцу и тот сорвался вниз. Озлобленным зверем кинувшись вперед, товарищ горца не успел занять место павшего, и удачливый казак пронзил и его. Он перемахнул через стену и вступил в бой с новыми врагами, а за его спиной поднялись еще двое русских. Владимир увидел, как в следующую минуту этого казака пронзили шашкой, и сразу несколько горцев довершили дело. И он погиб... погиб, пробив брешь в обороне противника, и тем самым дав товарищам время прорваться.

«Запомнит ли это еще кто-то, – мелькнула мысль, – или даже не заметит, увлеченный собственным сражением в этот миг жизни?»

Все новые и новые русские перелезали через стену, там наверху бойня завязалась нешуточная. Звенела сталь, многие перешли врукопашную.

– Давай, давай! Чего ждешь? – проорал в самое ухо старший по званию.

Владимир перекинул ружье через плечо, сжал в руках саблю, и быстро полез вверх. Лестница оказалась противной, скользкой и мокрой от крови. Краем глаза Волков увидел, как за ним полез Павел, но в этот момент все его внимание было сосредоточено на лестнице и том, что ждало его впереди.

Наконец, Владимир достиг края стены и быстро перепрыгнул через нее. Он не успел даже перевести дух, как на него тут же кинулся оскалившийся враг. Волков отсек его удар в сторону. Горец отпрыгнул назад, сделал обманное движение и, сверкая наточенной до блеска шашкой уже успевшей испить русской крови, рубанул сверху. Лишь в последний миг парень вскинул саблю и отбил удар, а затем быстро опустил ее на шею врага, из которой тут же фонтаном брызнула кровь. Фехтовальщиком он был отменным, отец не поленился и нанял, в свое время, самого хорошего мастера, которого только смог найти. Горец упал и больше уже не поднимался, а юноша быстро вскинул руку и помог Павлу забраться.

– Быстрее! – сказал он и принялся отражать новую атаку.

Русские солдаты уже расползлись по верху, как муравьи. Все больше и больше горцев сыпалось со стен крепости. Владимир поразил еще двоих. Его друг был рядом и тоже отбивался от сверкающих на солнце шашек, как мог.

– Где Алексей? – спросил Павел.

– Не знаю, я потерял его там внизу, когда нас бросали на лестницу, как слепых котят!

Волков рубанул по лицу нового горца, тот схватился за рану и парень толкнул его вниз. А затем, быстро развернувшись, отбил удар клинка, летевшего в Павла, а друг довершил дело, пронзив противника.

– Будь осторожней, – посоветовал Владимир. Павел был не так хорош в фехтовании, и Волков сильно сомневался, что в детстве у него имелся хороший учитель по этому предмету, скорее эту обязанность на себя брал его гувернер.

Зайцев кивнул в знак благодарности.

– Вперед! – скомандовал Владимир и побежал по стене крепости, туда, куда уже перекинулось сражение. Павел, размахивая саблей, рванул следом.

Все новые и новые солдаты перепрыгивали через стену и присоединялись к ним. Сражение переместилось на лестницы, ведущие со стен крепости внутрь. Русские теснили противника. Самые смелые и отчаянные, не дожидаясь, пока лестницы расчистят, прыгали вниз куда помягче, и на них сразу-же перекидывались защитники крепости.

Озверевшие горцы начали палить из ружей. Одна из пуль зацепила Павла, и он пошатнулся. Волков кинулся к другу, стараясь ухватить его за руку, но тот сорвался вниз к уже сражающимся за стенами людям. Владимир разглядел, что друг еще жив, и пуля лишь вскользь зацепила его. Не теряя времени он бросился вниз. Удар о землю оказался такой сильный, что юноша не устоял и упал. Тут же кто-то схватил его за шиворот и вздернул вверх.

– Не время валяться, паря! – пробасил в самое ухо какой-то усатый и уже немолодой вояка. Владимир был ему искренне благодарен. Он поднялся на ноги и под градом пуль и сабельных ударов кинулся к Павлу. Волков успел вовремя и ударил в спину горцу, занесшему над головой друга окровавленную шашку. О чести он сейчас не думал, в эту минуту его волновала только жизнь товарища. Горец с криком упал, и Владимир довершил дело.

– Как ты?

– А-а, моя рука, – подал голос Павел.

– Поднимайся, – только и сказал Владимир и схватился с новым врагом.

Их клинки схлестнулись и выбили искры. Против Волкова встал здоровенный чеченец, наверное, в два раза превосходящий его силой. Сабля и шашка встретились вновь и разошлись в танце стали. Волков попытался атаковать вторично, но резкая контратака горца заставила его отступить. На стороне соперника оказалась мощь и тяжесть, каждый удар отшвыривал назад или вбивал в землю. Владимир начал кружить, уходя от все новых и новых замахов. Единственная возможность победить такого противника это дожидаться его ошибки и воспользоваться ею. Но чеченец оказался далеко не так прост, его удары были быстрые и тяжелые. Очередная мощная атака сбила Владимира с ног, и он упал. В следующую секунду нависшая над ним фигура заслонила солнце. Здоровяк занес шашку, чтобы добить Волкова, но вдруг остановился. Что-то врезалось ему в бок. Горец в ярости закричал и схватил левой рукой саблю Павла, вонзенную в плоть. Он еще раз вскричал и потянул ее из себя. Зайцев в ужасе отшатнулся и выпустил оружие из рук. Защитник крепости отшвырнул саблю врага в сторону и с горящими глазами двинулся на безоружного обидчика. Но тут и Волков вскочил. Он полоснул по незащищенной спине чеченца. Тот вновь развернулся и, размахивая клинком, кинулся вперед. Но Владимир предугадал действия противника и рубанул саблей. Закаленное лезвие вонзилось в тело горца, и, будто разрезая масло, пошло дальше. Но еще живой, уже поверженный враг схватил парня за горло и начал душить. Владимир постарался как можно глубже вогнать саблю в его плоть, хотя воздуха уже не хватало. И вдруг что-то круглое и черное упало к ногам сражавшихся. Фитиль уже догорал, а Волков лишь с ужасом осознал, что это бомба.

И тут она взорвалась...

Часть 1

Волк на воле

Глава 1

Высший свет

Петербург.

Сентябрь 1835 год.

Крытый экипаж остановился у величественного каменного особняка. Дверца повозки отворилась, и оттуда вышел молодой человек в высоком цилиндре и в черном плаще-макинтоше, поверх которого был небрежно накинут белоснежный шарф. Руки в атласных перчатках сжимали увесистую трость с отполированным до блеска набалдашником в виде головы волка.

Больше всего этот молодой господин напоминал лондонского денди или юного прожигателя отцовского состояния. Правда, последним Владимир Волков себя не считал, хотя многие бы уверили вас в обратном. И прибыл он вовсе не из Лондона, а из Парижа, в котором ему довелось провести последние четыре года жизни. За это время Волков успел соскучиться по Петербургскому свету и теперь спешил наверстать упущенное.

«Как странно так не любить свет и все время желать оказаться в его лучах», – подумал Владимир.

Эта мысль показалась ему достойной пера Байрона. Он и сам считал себя немного поэтом, но особого рвения на этом поприще не проявил. Так разум иногда рождал поэтические

строки и достойные пера замечания, но часто пера под рукой не было, и строки гибли. Владимир всегда считал, что лучше отдаваться жизни, чем глупым мечтаньям и поэтому всячески стремился окунуться в ее лоно, пытаясь наверстать упущенное.

После полученного на Кавказе ранения, его, молодого офицера, списали из войск, поскольку травма оказалась серьезной, и колено собирали разве что не по осколкам. Целый год он лечился на водах, а потом еще долго восстанавливался. Сейчас нога чувствовала себя хорошо, и он уже вполне мог обходиться без трости, но привычка всегда держать ее при себе у Владимира осталось. Но на тот момент о военной карьере пришлось забыть. А отец вместо того, чтобы поддержать несчастного отпрыска, будто обиделся, и по возвращению сына в Петербург встретил его весьма холодно. А вскоре отослал учиться в Европу. Возможно, он чувствовал угрызения совести за полученное сыном ранение, а возможно не хотел видеть его, как напоминание о своем разочаровании. Мысли родителя всегда оставались для Владимира загадкой вплоть до самой отцовской смерти, после которой он и оказался вынужден вернуться в столицу.

И теперь спустя долгие годы он хотел увидеть Петербургский свет, которого был лишен. Хотя, по его мнению, этот свет ничем не будет отличаться от увиденного им в лучших домах Парижа. Там и тут – везде одно и то же: мужчины будут похваляться, как павлины, выставляя себя напоказ, а женщины флиртовать, скрываясь за маской благочестия. Зато здесь наконец-то он сможет вновь встретить друзей. Эта мысль радовала.

На улице стояла ранняя осень, но погода была уже ветреной и прохладной. Петербург всегда казался Владимиру серым городом в отличие от Парижа, а сегодня он выглядел еще и мрачным.

– Свободен, – сухо сказал он извозчику и кинул тому монету.

– Благодарствую, ваше благородие, – поймав монету, произнес мужик и, ударив вожжами, погнал лошадь вперед.

А молодой дворянин небрежной походкой направился к особняку.

В парадной, любезно кланяясь, его встретили слуги. Владимир снял с головы цилиндр, обнажив длинные волосы, собранные хвост. Волосы были черными, как истинный агат, но даже в самых безупречных камнях иногда встречаются изъяны, и таким изъяном на голове Волкова оказался маленький седой локон, спадающий на лоб. Эту первую седину Владимир получил на Кавказе в тот злополучный день, когда у его ног взорвалась бомба. Впрочем, за изъян седой локон Волков не считал, напротив, эта тонкая седина придавала его образу шарм. Руки не одной красавицы накручивали манящий локон на свой пальчик, наслаждаясь его пепельным цветом на этих черных волосах. И Владимир тоже любил его и поэтому всегда старался отрастить челку чуточку длиннее, подчеркивая тем самым свою уникальность.

Вслед за цилиндром в руках лакея очутились белоснежный шарф и плащ. Трость молодой дворянин не отдал и, постукивая ею по мраморному полу, направился в зал. Перед ним распахнули дверь, и камердинер громко объявил:

– Владимир Михайлович Волков.

Перед дворянином открылся огромный зал с высоким расписанным под голубое небо потолком, который освещала не одна, а сразу три сияющих хрустальных люстры. От мраморного пола к своду потолка тянулись белоснежные колонны, выполненные в античном стиле. Оркестр, располагающийся в дальнем конце зала, зазывно играл вальс, под который большая часть публики весело кружилась в танце.

«Все как всегда», – отметил про себя Волков.

Некоторые, расхаживающие по залу дворяне, богатые помещики и чиновники, те, что не кружились в танце, обратили взоры в сторону вновь пришедшего. Кто-то навел на него лорнет, кто-то скользнул скучающим или оценивающим взглядом, а затем вернулся к делам. Владимир с гордым видом прошел мимо. К нему навстречу выдвинулся хозяин дома – граф Сажнев, но молодой человек с длинными светлыми волосами и сияющими глазами опередил его.

– Владимир, дружище! – Светловолосый заключил друга в объятия. – Когда ты прибыл? И почему даже не сообщил?

– Решил нагрянуть внезапно, Паша, – похлопав Зайцева по плечу, произнес Волков. – И попасть с корабля на бал, как говорится... Здравствуйте, граф.

Владимир отвесил поклон подошедшему Сажневу и протянул тому руку.

– Рад видеть тебя, Владимир Михайлович, – улыбнувшись в седые усы, произнес граф. – Мы с твоим покойным батюшкой всегда были хорошими приятелями. Кажется, еще вчера я нянчил тебя на руках, а теперь ты уже взрослый мужчина, а я старик, которому и кадриль уже пытка.

– Ну, полно вам, Степан Максимыч, небось, как держать саблю вы еще помните, – любезно польстил Волков.

– Это я впитал с молоком матери и этого у меня не отнять! – улыбнулся старик.

Дверь позади распахнулась и в зал еще кто-то вошел. Камердинер объявил и их. Степан Максимыч произнес:

– Прошу прощения, господа, но вынужден оставить вас. Надеюсь, мы еще поболтаем с тобой, Владимир Михайлович, но, а пока, сам понимаешь, гости...

И старик ушел к вновь пришедшим, а к Владимиру и Павлу подошел еще один молодой человек. Он был высокий и статный, в строгом офицерском мундире, к которому, несомненно, шли его густые бакенбарды.

– Приветствую, Владимир, – широко улыбнулся Орлов.

– Здравствуй, Алексей, – пожав другу руку, произнес Волков. – Я вижу, ты все еще служишь?

– Наш Орлов прямиком с Кавказа, – опередив офицера, ответил за него Павел. – Я-то оставил эти благородные порывы, как и ты после ранения. А он все служит.

– Да, но пока я в Петербурге, – сказал Алексей. – Владимир, расскажи лучше о себе? Как ты?..

– Да! Как заграничная жизнь? Как Париж? – вновь перебив друга, спросил Павел. – Как парижаночки, такие же прелестные кокетки?

– Братец, мы слышали о нелесной истории, приключившейся с тобой из-за одной особы?!

– Да, злые языки не врут, – улыбнулся Владимир.

– Но, как вижу, ты жив здоров, – сказал Алексей.

– Мы слышали о дуэли?!

– И снова слухи не лгут, – кивнул Владимир.

– Поосторожней с этим, братец, – произнес Алексей. – У государя нашего дуэли не в почете. Вот на Кавказе в полевых условиях – это другое дело, там все на горцев списать можно. Помню, была у меня одна черкесочка...

– Так, Орлов заговорил о Кавказе, значит надо отсюда уходить, братец. – Зайцев взял

друга под руку и повел вглубь зала мимо роскошно одетых господ, наслаждающихся приемом, мимо очаровательных дам и их гордых кавалеров.

Немного опешивший Орлов устремился за ними.

– Давай, братец, я тебе пока местную публику покажу. Познакомлю с нашими. Вон смотри – это генерал Ютузов с супругой, – указал Павел на облаченного в мундир мужчину с еще густыми усами и бакенбардами, но уже с облысевшей головой. – Очень богатый субъект и начальник нашего Орлова, но, несмотря на это, весел и остроумен. Рекомендую, но не советую сближаться. У него две незамужние доченьки, но, увы, весьма не миленькие.

– А это кто? – кивнув в сторону престарелой дамы увешенной брильянтами, спросил Владимир.

– О! Княгиня Ольга! – шепнул другу на ухо Павел. – Уже не одного мужа на тот свет спровадила, а все рыскает по балам в поисках молодых ухажеров. В общем, не советую.

– Ты лучше обрати свой взор туда, мой друг, – вкрался в разговор Алексей. – Прелестные особы и одни, без маменек. Вот к ним-то он и ведет тебя, дружище.

Три прекрасные, как утреннее солнце, молодые барышни стояли возле колонны и о чем-то оживленно беседовали. Завидев приближающихся к ним друзей, девушки смущенно заулыбались.

– Bonsoir*, сударыни, – поприветствовал Павел.

*Bonsoir (фр.) – Добрый вечер

Девушки кивнули.

– Хочу рекомендовать вам моего доброго друга и сослуживца по Кавказу Владимира Михайловича Волкова. Прошу заметить: прямоком из Парижу. – Павел подмигнул, и сударыни вновь заулыбались, покрывшись легким румянцем. – А эти молодые прелестницы, мой дорогой друг: Мери, Лиза и Аня.

Про себя Волков отметил, что последнее имя Павел произнес с особым трепетом. Молодая стройная девушка обладала чарующими темно-кариими глазами и обворожительной улыбкой. На вид шестнадцати-семнадцати лет, совсем еще юна и по-детски прелестна. Ее подруги оказались не столь юны, но тоже выглядели весьма милыми.

– Я очарован, сударыни, – кокетливо, с улыбкой, кивнул Владимир.

– И как там в Париже, месье Волков? – заговорила Мери, обмахиваясь кружевным веером.

– Весьма недурно, – вновь улыбнулся Волков.

– Ой, знаете, а здесь у нас такая скука!

– Ну, зря ты так, Лиза, – произнес Павел. – Не так уж у нас и скучно. Правда, Аня?!

– Да, – кивнула красавица. – Часто на балах бывает очень весело. А вы бывали на Парижских балах, месье Волков?

– Аня, ну, конечно же, бывал, – перебила подругу Мери. – Правда, ведь, месье Волков?

– Правда, – кивнул Владимир. – Но поверьте мне, балы везде похожи. Что тут, что там, все говорят по-французски и предпочитают вальс, только люди разные.

– И как вам парижане, месье Волков? – спросила Лиза.

– Весьма достойные, интересные и остроумные люди.

– А француженки красивы? – спросила Аня.

– Да, – улыбнулся Владимир. – Но перед вашей красотой, дамы, их красота меркнет.

Девушки вновь покрылись легким румянцем и заулыбались, пряча эмоции за веерами.

– Как вы галантны, – проворковала Лиза.

– Кто это у нас о красоте тут рассуждает? – раздался позади уже немолодой женский голос.

Все обернулись и увидели пожилую даму, держащую в одной руке бокал шампанского, а в другой лорнет.

– Это месье Волков, маменька, – ответила Аня.

Владимир поклонился. Дама, приблизив лорнет, внимательно на него посмотрела.

– Вы, случаем, не сын покойного Михаила Андреевича?

– Истинно так, – кивнул Владимир.

– Знала я вашего батюшку, – сказала дама. – Но похвастаться этим не могу. Наше поместье по соседству стоит. Помнится, мой покойный супруг всегда из-за леса с вашим батюшкой собачился.

– Кажется, я тоже припоминаю этот случай, – произнес Владимир. – Помнится, мой батюшка даровал вольный для своих крестьян лов дичи в местных лесах, а соседский помещик был этим весьма недоволен. Если мне не изменяет память, его фамилия была Ларионов.

– Верно, это был мой супруг! – воскликнула дама. – Петр Карлович. А я – Елизавета Федоровна.

Волков еще раз поклонился. Елизавета Федоровна коротко ему кивнула и, подняв перед собой лорнет, назидательно произнесла:

– И, прошу заметить, что спор у них вышел не из-за вольнодумства вашего покойного батюшки, а из-за того, что он приписывал наш лес себе!

– Мне кажется, этот лес был общим, – сказал Владимир. – Но, как вам будет угодно. Давайте не будем ворошить прошлое.

– Вы правы! – всплеснула руками Елизавета Федоровна. – Что это мы. Давайте забудем о склоках старых соседей, к тому же, это было так давно. Надеюсь, вы не такой, как ваш батюшка?!

– Ну что вы, я на него совсем не похож.

– Вот и чудно, – улыбнулась Елизавета Федоровна. – Давайте тогда выпьем с вами шампанского.

– Давайте все выпьем шампанского, – порадовавшись, что все обернулось таким чудесным образом, воскликнул Зайцев. Он кивнул лакею с подносом и тот подошел к компании.

Павел взял шампанское и все остальные последовали его примеру.

– Давайте выпьем за мир, – произнес он.

– А я бы выпила за знакомство с месье Волковым, – сказала Аня.

– И я бы тоже, – вторила подруге Лиза.

– Тогда за тебя, мой друг, – сказал Орлов.

Все выпили.

– А теперь прошу меня извинить, мне нужно пообщаться с доченькой, – сказала Елизавета Федоровна.

– Надеюсь, еще увидимся, месье Волков, – произнесла напоследок Аня.

И они ушли. Подруги, раскланявшись, поспешили вслед за Аней и ее матушкой.

– Прелестные создания, – сказал Алексей.

– В особенности Аня, – мечтательно вздохнул Павел.

– Господа, предлагаю переместиться в более удобное место и отметить мое возвращение, – предложил Владимир.

– Попойка! – оживился Алексей. – С превеликим удовольствием последую твоему зову.

– А я, пожалуй, вынужден отказаться, – сказал Павел. – Я обещал Ане ангажировать ее и ее маменьку завтра в театр. И мы еще не успели договориться. К тому же, не хочу завтра выглядеть потрепанным.

– Как хочешь, – пожал плечами Владимир.

– Но я надеюсь, ты завтра не откажешься составить нам компанию, – поспешил исправиться Павел.

– Театр, не знаю...

– Только не отказывайся, прошу тебя, – умоляюще произнес Павел. – Я пошлю своего лакея, чтобы он сегодня же взял на вас билеты, друзья мои.

– Буду рад, – сказал Алексей. – Надеюсь, Лиза с Мери там тоже будут.

– Конечно, – подмигнул Павел. – Там даже будет и сам государь. Владимир, где ты остановился?

– В трактире «У Гофмана», – ответил Волков.

– Завтра с утра я пришлю тебе билетик, – пообещал Павел. – Надеюсь, ты не откажешься. А теперь прощайте, друзья.

Юсупов поклонился и поспешил на поиски Ани.

– Влюблен, – кивая вслед уходящему другу, заключил Владимир.

– До безумия, – ответил Алексей. – Ну что, куда направимся?

– К Гофману. Думаю, там тебе понравится.

Глава 2

Лихие люди

Открытый экипаж, запряженный всего одной уставшей лошадкой, остановился у здания трактира на Английской набережной.

– Ну и стара же твоя кляча, приятель, – обратился Орлов к извозчику. – Я уж думал, она по дороге душу Богу отдаст.

– Правы вы, барин. Уже сколько лет мы с ней по дорогам катаемся. Одна кормилица у меня...

– Кормил бы свою кормилицу лучше, – заметил Алексей с видом знатока. – Небось, резвее бы бегала.

– Ладно, езжай, – примирительно сказал Владимир и кинул извозчику монету. – Держи, лошадке на сахар.

– Спасибо, барин, – поймав монету, поблагодарил извозчик.

– Идем, – произнес Владимир Алексею и двинулся к дверям трактира, сверху над которыми висела раскачивающаяся на европейский манер деревянная вывеска, с надписью: «У Гофмана».

Друзья вошли в трактир. Внутри оказалось шумно и накурено. Играли музыканты, и пахло спиртным. Большинство столов были заняты. Не успели гости пройти в зал, как к ним тут же подбежал хозяин заведения – невысокий, в меру упитанный, с маленькими бегающими глазками.

– Владимир Михайлович, несказанно рад вашему возвращению, – залезил хозяин. – Желаете отужинать? Или изволите проследовать в свой номер?

– Нет, Ганс, – с напускной ленью произнес Владимир. – Мы с другом желаем отужинать. Сопроводи нас за приличный столик и прикажи подать бутылочку «Мадам Клико» и что-нибудь на закуску.

– Сию минуту, – поклонился Ганс. – Пройдемте.

Хозяин повел друзей по залу мимо весело отдыхающей публики. Подойдя к одному из столиков, за которым развалившись спал какой-то забулдыга, Ганс остановился и кивнул стоящим неподалеку официантам.

«Явно простой городской без чина и звания, – отметил про себя Волков. – Наверняка ремесленник?!»

Два подошедших официанта бесцеремонно схватили мужика под руки и потащили к выходу.

– Прошу господ, садитесь, – произнес Ганс, смахивая крошки со стола. – Это наш лучший столик.

– Что-то я сильно сомневаюсь, – осматриваясь, хмыкнул Орлов.

– Ганс, пройдоха, ты наверняка нам лукавишь, но я думаю, что он нам подойдет, – покачал головой Волков и, скинув на стул плащ, уселся за стол.

– Я бы не посмел обманывать вас, Владимир Михайлович.

– Охотно верю... Где там наше шампанское?

– Сию минуту, – пообещал Ганс и, отвесив поклон, удалился.

– Это и есть тот самый Гофман? – кивая в сторону уходящего хозяина заведения, спросил Алексей.

– Скорее его сын или внук, – ответил Владимир. – Но он мне нравится, услужливый малый.

– То есть лизоблюд, как и все иноземцы, старающиеся урвать кусочек у России-матушки, – заключил Алексей.

– Да ты суров, мой друг. Что же это ты всех европейцев под одну гребенку то равняешь?

– Я не про всех, я только про тех, что устроились у нас, обзавелись хозяйством и сосут соки из земли русской, а сами только и наговаривают на Государя Императора и Империю, когда мы там, на Кавказе, за них кровь проливаем. Зря только их Петр в Россию позавозил.

– Не сочти за оскорбление, Алексей, но ты в корне не прав, – улыбнулся Владимир. – Среди тех, кого, как ты выразился, позавозил Петр, оказались и весьма полезные для отечества люди. Россия преобразилась и заняла почетное место в мире, какое ей и подобает занимать. И, думаю, что те иностранцы, которые сейчас живут в России, болеют за Императора, нашего батюшку, ничуть не меньше тебя.

– Братец, надеюсь, что Европа не вскружила тебе голову, и ты не стал вольнодумцем?!

– Уверю тебя, нет, – равнодушно ответил Волков. – Конечно, мои взгляды поменялись, и я склонен считать, что крепостных нужно освободить. Но признаюсь тебе честно, поскольку я порочный человек, я этого делать не собираюсь. Как и всякий дворянин, по природе своей я алчен и грешен, и поэтому хочу получать причитающуюся мне от них выгоду.

– Ну, брат, мы еще не выпили, а ты уже так разоткровенничался!

– Да нет, просто я честен с самим собой, мой друг, – произнес Владимир. – И поэтому, я хочу быть честным и с тобой.

– А вот и шампанское, – раздался голос подошедшего хозяина трактира. В руках он

держал поднос, на котором в ведерке со льдом стояла запотевшая бутылка с игристым, а рядом два фужера и закуски.

Алексей потер ладони.

– Приступим, – сказал он. – Наливай, да поживее!

– Сию минуту, – любезно произнес Гофман и поспешил наполнить фужеры.

– Ну, брат, выпьем за твое возвращение, надеюсь, оно будет веселым, – растянув губы в широкой улыбке, произнес Алексей.

– Я постараюсь, чтобы оно всем запомнилось надолго, – чокаясь бокалом, пообещал Владимир, не придавая значения весу этих слов.

И друзья выпили.

– Господа, довольны? – спросил Ганс.

– Да, – ответил Алексей. – Через полчаса принесешь вторую. Понял?!

– Конечно, – поклонился хозяин трактира, собираясь удалиться.

– Постой, Ганс, – остановил трактирщика Владимир. – Скажи, давно твои предки живут в России?

– Уже третье поколение моя семья держит здесь этот трактир, – ответил Ганс.

– И наверняка, ты предан короне и отечеству и не замышляешь зла государю?

Хозяин трактира побледнел, несколько столиков неподалеку смолкли.

– Странные вопросы вы задаете, барин, конечно же, я предан отечеству!

– Да это я так, пошутил, Ганс, – улыбнулся Владимир. – Я ни на минуту не сомневался в твоей преданности. Просто кое-что хотел доказать своему другу. Можешь быть свободен.

Ганс с облегчением вздохнул.

– Да ну вас, барин, – переведя дух, вздохнул отечественный Гофман в третьем поколении. – Ну и шутки вы изволите шутить.

Хозяин еще раз поклонился и, развернувшись, ушел, а друзья громко рассмеялись.

– Да, брат, – наливая второй бокал, произнес Алексей. – Ну, и что ты этим мне доказал?

– А то, что смута не в умах местных зажиточных иностранцев, а среди вольных умов молодого дворянства. Своих стоит опасаться, вот они то когда-нибудь Россию и развалят в надежде ухватить себе кусочек побольше. Я же довольствуюсь тем, что есть и стараюсь наслаждаться жизнью. И, кстати, о наслаждениях жизни, видишь тех прелестных особ?

Волков приподнял трость и указал на трех смеющихся дам за соседним столиком. Впрочем, дамы оказались не одни, а с кавалерами. Компания из простых. Кавалеры явно заезжие, в помятой одежде, небритые и в сильном подпитии. А дамы из тех, что за приличную плату, ужин и немного вина готовы скрасить досуг уставшему путнику.

– Не дурны, – допивая бокал, кивнул Алексей. – Но, кажется, они заняты.

– Как сказать, – улыбнулся Владимир, не отрывая взгляда от компании.

Алексей тоже смотрел на них. Девушки были веселы и пьяны. Одна посмотрела в их сторону, и Волков подмигнул ей. Мамзель не смутилась и игриво улыбнулась ему в ответ.

– Я думаю, они будут не против стать нашими на сегодняшний вечер, – делая глоток шампанского, лукаво усмехнулся Владимир.

– Девки до добра не доведут, – тоном знатока сказал Алексей. – Попомни мои слова... Насколько я знаю, именно из-за девки с тобой произошла пренеприятнейшая история в Париже.

Лицо Владимира изменилось, напускное равнодушие на мгновение пропало, но через секунды он совладал с собой и вновь заговорил ленивым тоном:

– Во-первых, не из-за простой девки, мой дорогой друг, а из-за благородной женщины, – отпив новый глоток шампанского, укоризненно произнес Волков. – А во-вторых, она была из тех, из-за кого можно броситься в омут с головой.

– Что случилось? А ну рассказывай! – потребовал Алексей. – Что послужило препятствием?

– Все до простоты банально, – улыбнулся Владимир. – Препятствием послужил ее супруг. Она молодая парижанка при муже, который старше ее на много лет. Неудивительно, что мне с легкостью удалось завоевать ее сердце. В браке ей было скучно, муж, занятый на государственной службе, не мог уделить ей достаточно внимания и усладить ее молодую и страстную натуру.

– И ты покоришь ее сердце! Как ее звали?

– Камилла, – произнес Владимир. – Ее звали Камилла.

– И что произошло?

– Ее супруг узнал о нашей связи и, не захотев прослыть рогоносцем, вызвал меня на дуэль...

– Я так и думал! – глотая шампанское, воскликнул Алексей.

– Мы стрелялись ранним утром... Право первого выстрела выпало мне, и я прострелил самоуверенному лягушатнику кисть правой руки... – Волков усмехнулся. – Помню, он дико орал. И я думал, что все, он не сможет продолжить дуэль. Но на удивление этот французишка оказался крепким. Он собрался с силами и приготовился выстрелить левой. Я спокойно стоял и ждал, уплетая вишню и выплевывая косточки. И его выстрел из левой руки получился безобразным, пуля пролетела в нескольких метрах* от меня. – Владимир сделал глоток шампанского. – Мой выстрел был следующий, так как этот глупец хотел стреляться до конца. Но когда я нацелил на него пистолет, он затрясся, как осиновый лист, и взмолился о пощаде.

*Метрическая система – автор в курсе, что в Российской Империи применялась Русская система мер, но для облегчения читателем понимания расстояния и веса она заменена на современную метрическую. Здесь и далее.

– В самом деле?! – удивился Орлов. – Ха-ха. Я всегда считал, что эти французики слабы духом.

– Не все, мой друг, не все, – покачал головой Владимир. – Если бы это было так, Наполеон бы не сжег Москву.

– Это был стратегический ход, хотя силу духа Наполеона я не оспариваю. Ты лучше расскажи, чем закончилась ваша дуэль? Ты пощадил его?

– Пощадил.

– И?...

– Камилла все равно досталась ему, – вздохнул Волков и потянулся за бутылкой шампанского. Взяв бутылку с игристым, он вылил все, что там оставалось в фужер – чуть меньше половины бокала.

Владимир покосился на стоящего неподалеку официанта и махнул тому рукой.

– Почему она досталась ему? – не выдержав паузы, спросил Алексей.

– Она сказала, что не может быть со мной, – вертя в руках бутылку с игристым, произнес Владимир. – Она сказала, что я ничего не могу ей дать, и в России ее точно ничего не ждет, кроме скуки и холода! Она выбрала мужа, поскольку с ним ей было комфортней.

– Грустно, брат, грустно.

– Что есть, то есть, – кивнул Волков. – Так я понял одно, все женщины любят играть, и в этой игре они позволяют нам многое, но вот оставаться они предпочитают там, где им теплее и комфортней...

– Эх, похоже эта француженка разбила тебе сердце, брат, – вздохнул Алексей.

Лицо Владимира на секунду вновь утратило выдержку. По спине пробежал легкий холодок, то были последствия попыток забыть Камиллу. Тогда он пустился во все тяжкие... а самым тяжелым оказался опиум, и мозг тут же напомнил о попытках поймать дракона за хвост. В сознании всплыл старый беззубый китаец, протягивающий Волкову трубку и вновь захотелось ощутить аромат сладковатого дыма и придаться снам наяву... Но нет, он дал себе слово, что с этим покончено. Молодой дворянин покачал головой пытаясь отогнать мучительные воспоминания и произнес:

– Нет, Алексей, она не разбила мне сердце, лишь слегка его подморозила.

К столику подошел официант.

– Чего изволите? – спросил он.

– Еще одну бутылку шампанского нам и... – Волков поднял трость и указал на столик, за которым сидели симпатичные мамзельки с ухажерами. – И еще одну, такую же дорогую, как нашу, за тот столик. Скажешь: дамам от господ. И мы приглашаем их присоединиться к нам.

– Вы уверены? – настороженно спросил официант.

– Да, уверен.

– Чувствую, потеха будет, – когда официант ушел, усмехнулся Алексей. – Любишь ты с огнем шутить, братец.

– Мне не хватает тех острых ощущений, что ты испытываешь на Кавказе, – признался Владимир. – И поэтому я предпочитаю получать их в повседневной жизни.

– На Кавказе нет ничего, кроме горцев, песка и смерти, – философски заметил Орлов и вздохнул. – Там нет никакой романтики. Сначала тебе так кажется, а потом ты привыкаешь и кроме смертей уже ничего не видишь.

– Возможно, но я этого уже не пойму, – сказал Волков. – Зато я знаю, что я всегда люблю получать то, что мне хочется, а сейчас я хочу этих милых прелестниц.

Официант с подносом в руках, на котором стояло две бутылки с шампанским, подошел к столику с дамами и их ухажерами. Со всей ему свойственной любезностью, он поставил перед отдыхающими открытую бутылку игристого, после чего мужчины с непониманием на него выпучились. Бедняга официант, замешанный в весь этот казус, начал быстро что-то объяснять, затем он указал за столик Волкова и Орлова. Владимир помахал рукой, дамы заулыбались. Мужчины недовольно начали что-то обсуждать и высказывать официанту. Тот, явно сконфузившись, быстро закивал в ответ и поспешил удалиться, направившись к столику друзей.

– Кажется, они недовольны, – заключил Алексей.

– А дамы, похоже, напротив, – заметил Владимир.

В то время как мужчины принялись за бурное обсуждение, их женщины украдкой бросили за столик друзей несколько весьма благосклонных взглядов.

– Что они сказали? – спросил Волков у официанта, когда тот поставил перед ними вторую бутылку «Мадам Клико».

– Они очень недовольны, барин, – ответил официант. – Они сильно ругались... Будьте осторожны, барин, это лихие люди. Дурную шутку вы затеяли.

– Ничего, – махнул на него Орлов. – И не таких видали.

– Лихие говоришь?! – спросил Владимир. – И чем эти лихие люди занимаются?

– Не знаю, барини, но пить, есть, да с девками развлекаться у них завсегда денег хватает.

– Наверное, мы сейчас сами узнаем насколько они лихие, – заметил Алексей, глядя вперед за спину официанта. – Они идут сюда.

И в самом деле, трое мужиков направлялись к столику друзей.

– Здравия желаю, ваши благородия, – присвистнув, сказал один, невысокий, но крепкий, явно закаленный тяжелой физической работой. Впрочем, сейчас здоровяк был в изрядном подпитии и еле держался на ногах.

– И тебе не хворать, – усмехнулся Орлов.

– Ты что ж это, ваше благородие, творишь-то? – выпалил мужик.

– Поосторожней со словами, дружище, – зевнув, произнес Владимир. – И не забывай, кто перед тобой!

– А мне плевать, я вольный... – прорычал мужик. – И в гробу я видел всех господ, вроде вас!

– Тогда ты можешь поплатиться за свои слова! – поднимаясь из-за стола, произнес Владимир.

– Да, ну! – хохотнул здоровяк. Стоящие за ним мужики, тоже пьяные и не уступающие в силе главному забияке, придвинулись ближе.

Алексей медленно приподнялся. Будто делая что-то обыденное, он начал нехотя стягивать белые перчатки...

– Бей их, ребята! – выпалил главный забияка и кинулся в драку.

Владимир остановил его ударом трости в лицо. Мужик отскочил в сторону и зажал ладонями окровавленный нос.

– Это тебе дорого обойдется, – прохрипел он.

На Алексея накинулся другой, но молодой офицер встретил его ударом справа и остановил атаку. Мужик остолбенел, а Орлов тут же добил его левой. Соперник упал.

Третий бросился на Волкова, тот отскочил в сторону и тростью ударил по ноге нападавшего. Противник упал, попытался было встать, но Владимир стукнул его кулаком по макушке, а затем, зажав трость второй рукой, выбросил правую вперед, и у него в руке оказалось острое лезвие, вовремя остановившееся у шеи забияки, который уже взводил вытасченный из-за пазухи пистолет.

– Даже и не думай, приятель, – спокойно, с легкой напускной ленью, произнес Владимир.

Мужик сглотнул, и, выронив оружие, улыбнулся, оскалив гнилые зубы.

– Это недоразумение, барин.

Волков еще сильнее прижал тонкий и острый клинок к шее лихого человека и выпустил каплю крови. Тот еще раз сглотнул.

– Убирайтесь отсюда, – повелительно сказал Владимир. – Чтобы глаза мои вас больше не видели... – Затем он повернулся к их женщинам, все это время сидевшим за столиком. – А вас, дамы, мы будем рады видеть в нашей компании.

Трактирные девки переглянулись, а затем с недоверием посмотрели на Волкова и Орлова. Впрочем, их ухажеры уже сломя голову убегали.

– Вот так, – улыбнулся Владимир. – Теперь ужин в одиночестве нам уже не грозит.

– Это точно, дружище, – подмигивая одной из дам, согласился Алексей.

Глава 3

Прелести жизни

Волков открыл глаза и увидел потолок комнаты в трактире. Голова раскалывалась. Похоже, вчера он выпил лишнего... О, кто это с ним? На груди лежала женская рука, а по шее мурашками пробегало чье-то дыхание... Владимир собрался с силами и приподнялся. Он лежал в кровати в объятьях двух обнаженных девушек.

Волков зевнул, вспоминая подробности вчерашнего вечера, после которого сегодня у него так гудела голова. Воспоминания казались более-менее четкими до третьей бутылки шампанского, но после становились обрывистыми и расплывчатыми.

Он встал с кровати и пошел к окну. Подойдя к нему, Владимир отдернул шторы и выпустил в комнату дневной свет осеннего Петербурга... Почему-то, именно сегодня, столица выглядела, как на зло, приветливо... Его серые, как волчья шкура глаза поразили яркие лучи солнца, и в голове раздалась новая вспышка боли.

– Игнат! – закричал молодой дворянин.

Как по волшебству в комнату вошел старый слуга, приставленный еще к юному Владимиру покойным ныне батюшкой. Крепостной дядька с первых шагов жизни сопровождал Волкова, он следил за ним во времена детства в поместье, жил с ним под крышами Парижа в юности, и не был, разве только на Кавказе. Сейчас Игнат был уже не тот, но Владимир оказался очень к нему привязан, да и старик любил молодого барина, словно собственного сына.

– Чего изволите, барин? – спросил слуга.

– Который час?

– Уже давно минул полдень...

– Ясно, – одернул его Волков. – Тащи сюда коньяк. Да поживее.

Игнат кивнул и удалился. Владимир оперся о письменный стол и со сверлящей от сильного похмелья болью в голове посмотрел на мирно спящих в кровати девушек.

Через минуту пришел Игнат. В руках он держал бутылку коньяка и рюмку. Откупорив бутылку, старик наполнил стаканчик. Барин выпил. Поморщился. Улыбнулся. Поставил перед Игнатом рюмку и жестом показал наполнить ее вторично. Слуга выполнил указание. Барин выпил еще раз и вздохнул.

– Кажется, легче.

– Да, барин, погуляли вы вчера и вправду, на славу, – принялся рассказывать Игнат. – С утра приходил лакей от господина Зайцева и принес билет в театр. Господин Зайцев велел лакею кланяться и желал надеяться, что вы изволите быть, в общем.

– Ах, да, театр, – потирая затылок, произнес Волков. – Ну, что же, придется. Как раз будет время привести себя в порядок, принять освежающую ванну, отдохнуть и принарядиться.

Владимир уже сам налил третью рюмку коньяка. Выпил ее, и махнул слуге, мол: «все – уноси».

– И изволь распорядиться насчет ванны, – добавил он.

Игнат кивнул. Взял в руки бутылку с коньяком и рюмку. Но перед тем как уходить, с назидательным видом спросил:

– Барин, изволь сказать, когда мы отправляемся в поместье?.. И когда лошадей запрягать

прикажете? Я думал, что вы не планируете надолго задерживаться в Петербурге?! Все-таки вы еще не побывали на могиле батюшки.

– Я знаю это, – чуть грубо, повысив голос, произнес Владимир. – Вели закладывать повозку завтра, с утра.

– Если, конечно, вы будете в форме, барин!.. А не так как сегодня, – пробурчал Игнат. Волков посмотрел на него строго, а затем улыбнулся:

– Ну и плут же ты, Игнашка. Небось, завтра молодцом буду! Ты прав, побывать в поместье это мой священный долг. Но и повидать друзей я должен. Так что распорядись насчет ванны и завтрака после нее... А пока... – Владимир перекинул взгляд на двух мирно посапывающих обнаженных прелестниц и произнес: – А пока... я пойду и разбужу наших гостей, а то не охота расставаться с ними, так и не запомнив их на вкус.

Волков лукаво улыбнулся.

– Согласись, Игнат, они так юны, красивы и порочны, что сейчас спящие напоминают древнегреческих нимф?!

– Возможно.., господин, – как-то неуверенно сказал слуга. – Мне о всяких нимфах знать не полагается.

– Ладно, иди, – отмахнулся Владимир. – Надеюсь, когда я закончу, меня будет ждать ванна.

– Я позабочусь об этом, барин, – пообещал Игнат и удалился.

Владимир Волков достал из кармана золотой брегет и посмотрел на голубые стрелки.

«Я как раз вовремя, – подумал он и поспешил войти в здание Александровского театра. До начала представления оставалось чуть менее получаса. – Наверное, друзья уже здесь и вовсю наслаждаются светом общества».

Оказавшись в театре и пройдя билетера, Волков попал в большой зал с высокими и живописными потолками. Мерцание тысячи свечей, играющих в хрусталиках люстр, освещало это великолепие. В зале оказалось полно господ в черных сюртуках и мундирах, сопровождающих роскошно одетых дам, утопающих в украшениях. Владимир скользнул по ним изучающим взглядом сквозь стекла лорнета. Друзей он не обнаружил и двинулся дальше.

Проходя мимо местной публики, он прислушивался к разговорам. Большинство говорило по-французски, для высшего света этот язык являлся куда привычнее родного. Волков слышал, как кто-то говорит о грядущем представлении, обсуждая его достоинства и недостатки, кто-то с восхищением отзывается об актрисах, задействованных в спектакле, а кто-то, напротив, говорит о государственных делах и повинности крестьян. Разговоры были разные, обычные, привычные разговоры высшего света, но все не те. В толпе Владимир искал нужных ему людей, и вскоре услышал, доносившийся откуда-то издалека, голос Орлова. Волков поспешил на его бас и через минуту застал приятеля в компании двух господ.

– Bonjour, Владимир, – пожал руку друга Алексей. – Позволь представить тебе моих товарищей: бравый гусар Константин Смолин, – Орлов кивнул в сторону плотного, широкоплечего парня в мундире. – И граф Александр Рябов. – Графом оказался высокий, но худой юноша с коротко подстриженными рыжими волосами и надменной улыбкой. – А это, друзья мои, Владимир Волков – мой давний друг и приятель.

Новые знакомые раскланялись.

– Я слышал, что вы совсем недавно прибыли из Парижу? – спросил молодой граф.

– Да, – кивнул Волков.

– Мне тоже доводилось бывать там. В прошлом году, с отцом, – сказал граф. – Он состоит при дворе и ездил туда по государственным делам. Я был при нем и даже удостоился чести познакомиться с королем Луи-Филиппом.

– Рад за вас. Мне, к сожалению, достаиваться подобной чести не приходилось.

– Согласен, это не каждому дано, – продолжил граф и надменно улыбнулся. Это сильно не понравилась Волкову, но он счел за лучшее промолчать.

– А где же наш дорогой Зайцев? – спросил Владимир, потеряв всякий интерес к графу.

– Не знаю, я его сегодня не видел, – ответил Орлов.

– Наверняка, где-нибудь воркует со своей ненаглядной Аней, – прыснул граф. – Влюбленный он стал таким скучным.

– Да, – согласился гусар. – Только и разговоры, что о своей обожаемой.

– Ну, его можно понять, господа, – произнес Волков. – Он влюблен.

– Такая пылкая молодая страсть имеет свойство проходить быстро, – заметил граф Рябов тоном знатока. – К тому же юные девы нынче стали столь ветрены, что завтра один фаворит вполне может сменить другого.

– Не на себя ли вы намекаете, граф? – спросил Орлов. – И не оттого-ли вы это говорите, что сами совсем недавно волочились за Анечкой?

Бравый гусар Смолин хохотнул над шуткой Алексея, а граф смутился и покраснел, что в сочетании с его огненно-рыжими волосами придало его лицу сходство с томатом. Волков тоже улыбнулся. Шутка друга казалась остроумной и произвела неожиданный эффект на самоуверенного графа.

– Совсем нет, – возмутился он. – Да, я испытывал первоначальный интерес к этой молодой барышне, но, признаюсь вам, господа, что именно первоначальным мой интерес и ограничился. А узнав, что она симпатична моему другу Павлу, я отошел в сторону.

– Как благородно, граф, – усмехнулся Орлов.

– О чем это вы тут беседуете? – раздался позади знакомый голос. – Не о нас ли?

Господа обернулись и увидели Павла и Аню. Зайцев был в строгом сером костюме, прилизан и гладко выбрит. А юная Аня, одетая в роскошное синее платье, без лишних, на взгляд Волкова, кружев и рюшечек, идеально подчеркивающим ее стройную талию, выглядела просто обворожительно. В руках девушка держала веер в цвет платья и небрежно помахивала им, что заостряло внимание на ее больших и красивых, как два агата, глазах.

«Эти глаза, куда бы больше подошли к моему черному костюму, чем к его серому», – неожиданно для себя отметил Владимир.

– Именно о вас, – раскланявшись с другом и поцеловав руку даме, произнес он. – Я позволил поинтересоваться у Алексея, где вы.

– Мы только приехали, дорогой друг, – сообщил Зайцев.

– Да, это моя вина, – произнесла Аня. – Я слишком долго собиралась, и Павлу пришлось ждать меня в гостиной чуть ли не час.

– Зато мы премило поболтали с твоей маменькой.

– Надеюсь, она не утомила тебя, и силы на спектакль еще остались? – спросила Аня, помахивая веером.

– Видеть тебя придает мне сил, мое очарование, – кокетливо улыбнулся Павел.

– Жаль, что на днях я уезжаю в поместье, – вздохнула Аня. – Маменька велит.

– Владимир, ты вроде бы тоже собирался в поместье? – спросил Алексей.

– В самом деле, ты уже уезжаешь? – удивился Павел.

– Да. Мне надо посетить могилу отца и узнать, что происходило в усадьбе во время моего отсутствия. Но в скором времени я надеюсь вернуться в Петербург.

– Месье Волков, мне кажется нам с вами по пути?! – неожиданно сказала Аня и мило улыбнулась. – Не изволите ли ехать вместе?

– С превеликим удовольствием, если, конечно, Павел не будет против?!

Зайцев нахмурился и как-то странно посмотрел на друга.

«Ревнует», – отметил про себя Волков.

Впрочем, вслух Павел сказал:

– Конечно же, нет. Зная, что в дороге ты будешь с Владимиром, мне будет спокойней. Он превосходный фехтовальщик и в случае чего сможет постоять за себя и за даму.

– Ты мне льстишь.

– Не надо скромничать, – хлопнул друга по плечу Алексей. – В полку ты был одним из лучших, даже несмотря на юные годы.

– Просто у меня был хороший учитель.

– Ну да, знаменитый испанец. Помню, ты все время рассказывал нам о нем байки. Как там его звали?

– Мартин, – ответил Владимир.

– Вас обучал фехтованию испанец? – удивился граф Рябов. – Интересно, и кем он был? Я никогда не слышал о таком учителе, хотя знал многих лучших от Петербурга до Москвы, но никогда не слышал о испанце Мартине. А, как мне кажется, нас с вами обучали в одно время?!

Волкову изрядно не понравился тон этого молодого графа. И почему-то сам граф ему тоже внезапно перестал нравиться. Владимир не любил, когда его слова ставили под сомнение, к тому же в присутствии друзей.

– Да, Мартин де Вилья не был прославленным фехтовальщиком, но держу пари, он бы дал фору многим! – Волков сделал паузу, гордо посмотрел на графа и продолжил. – Мой отец Михаил Андреевич познакомился с ним во время взятия Парижа. Мартин был наемником и бился против наполеоновских войск. Так получилось, что мой батюшка спас ему жизнь, а испанец посчитал это долгом. Когда мне исполнилось семь, отец предложил испанцу искупить долг, обучив меня, и тот согласился.

– И где он теперь, этот загадочный испанец? – любопытствовал граф.

– Не знаю, – честно признался Владимир. – Когда мне исполнилось семнадцать, я попал в полк. С тех пор я его больше не видел. Его долг был выплачен и он уехал.

– А потом, когда вы жили там, за границей, вы не пытались найти его, месье Волков? – любопытствовала Аня.

– Не было необходимости, – ответил Владимир. – Как любой дорвавшийся до свободы повеса, я был занят немного другим, мадмуазель. – Он усмехнулся. И все рассмеялись.

– Хотя нет, постойте. Когда я жил в Париже. Я спрашивал о нем у испанцев, которые встречались мне в местных питейных заведениях. Одни говорили, что он живет в Испании и где-то пьянствует у себя на фазенде, другие поговаривали, что он подался в наемники и продает свою шпагу, – Владимир сделал паузу и усмехнулся, – но некоторые утверждали, что Мартин уехал на Ямайку и стал пиратом.

– Мило, – саркастически заметил граф. – Значит, вас учил никому не известный испанец, который якобы сейчас плавает где-то в океане и грабит суда?!

– Если даже и так, и вы сомневаетесь в моей школе, вы можете проверить ее на себе, – заявил Волков. – Я к вашим услугам...

Все на секунду замерли. Граф открыл рот, помедлил и уже собирался что-то сказать, как вдруг Аня, внезапно очутившись между ними, взяла обоих господ под руки и мило проворковала:

– Ну, мальчики, ну, что вы, вечно, как бойцовые петухи? Вон уже и спектакль начинается. Пойдемте лучше представление посмотреть?!

– И в самом деле... – достав из кармана золотой брегет и посмотрев на стрелки, сообщил бравый гусар, товарищ графа. – Начинается!

– Ну, пойдемте, – потянув за собой Волкова и графа, сказала Аня, и все остальные тронулись следом.

Разговоры и все посторонние дела сошли на нет, дама велела. Но Волков знал, что эта тема еще отзовется. Впрочем, он в себе был уверен, а этот молодой граф казался ему просто пижоном. «Подумать только, этот столичный денди даже не служил в армии и не нюхал пороха, как говаривал батюшка, а всю жизнь провел при дворе и папеньке! Тоже мне, учился у лучших от Москвы до Петербурга. Пижон! Хотя, скорее всего, он больше не решится затронуть эту тему. Впрочем, мне на него наплевать, на днях я уезжаю в поместье. А если ему и взбредет что-то в голову, пусть так, я буду всегда к его услугам». И Волков самонадеянно улыбнулся.

Тем временем господа вошли в большой и богато украшенный зал Александровского театра, где публика уже усаживалась по своим местам, и от этого царила легкая суматоха. Компания прошла мимо рядов партера и, найдя свои места, заняла их. Свет угасал, представление должно было вот-вот начаться.

Неожиданно, кто-то из господ, находившихся рядом, с волнением произнес:

– Смотрите, Государь Император!

Волков обернулся и посмотрел вверх, где в ложе на балконе показалась фигура Николая, высокого и статного мужчины в строгом мундире, увешенном орденами. Император приветственно помахал рукой, и зал взорвался овацией, а из оркестровой ямы тут же зазвучала музыка.

Все, кто уже сидели на местах, тут же поднялись. И по рядам партера пробежал, где торжественный, а где и фальшивый, а то и подвывающий хор голосов:

– Бо-же, царя храни...

После того, как гимн был исполнен, и государь опустился в ложе, все остальные тут же последовали его примеру. Последние свечи потухли и представление началось. Впрочем, оно показалось Владимиру наискучнейшим. А все его мысли оказались заняты наглым молодым графом Рябовым, позволившим себе усомниться в его словах. Поэтому, когда представление отыграли, Волков раскланялся с компанией и отправился в трактир, где снимал комнату, предварительно пообещав Ане заехать за ней на другой день по дороге в поместье. Переговорив об этом, Владимир поймал на себе недовольный взгляд Павла, но большого значения этому не придал. Ревность друга лишь забавляла его и тешила самолюбие.

С утра Владимира разбудил Игнат. Слуга все же нанял экипаж до поместья, о чем вчера даже и не удосужился сообщить. Волков открыл глаза и недовольно посмотрел на Игната.

– Почему ты не сказал мне об этом раньше? – лениво потягиваясь в кровати, спросил Владимир.

– Я говорил, барин, но вы меня не слушали, – обиженно произнес Игнат. – Вчера вы были заняты «Мадам Клико». – И слуга кивнул в сторону пустой бутылки, стоящей на прикроватном столике.

– Ах да. Возможно, – отмахнулся Владимир, вспоминая, что вчера он был разозлен из-за случая с графом и пытался тем самым отвлечься. А поиском экипажа занимался верный Игнат.

Зевнув и потянувшись спросонья, добавил:

– Ну что ж, вели, пускай обождут полчаса, и я буду готов. Надеюсь, моя поклажа уже собрана?

– Обижаете, барин. Все уже готово, вещи спущены, ваша одежда почищена, завтрак сейчас будет...

– Что бы я без тебя делал?!

– Не знаю, барин, – пожал плечами Игнат. – Но, хочется надеяться, что лучше со мной.

Волков улыбнулся. Своего слугу он любил и ценил, и всегда полагался на него, на что тот отвечал расторопностью, иногда даже излишней.

– Ладно, неси завтрак. Встаю.

После того, как Волков откушал, умылся, оделся и провертелся у зеркала целых десять минут, придавая своему седому локону должное положение на челе, Владимир, наконец, вышел из поднадоевшего ему трактира «У Гофмана» и вдохнул полной грудью. Утренний петербургский воздух казался приятным и таинственным. За недолгое пребывание в столице, Волков так и не сумел им как следует насладиться.

Экипаж ждал у входа. Все имеющиеся у барина вещи оказались уже погружены Игнатом наверх крытой повозки. Сам слуга расположился рядом с кучером. Волков сел в экипаж и приказал трогаться. Повозка устремилась по каменной мостовой к Невскому проспекту, а уже оттуда к петербургскому гнезду семейства Ларионовых.

Когда экипаж остановился у богатого каменного особняка с большими окнами, Владимир послал Игната сообщить Ане о своем прибытии. Игнат ушел, но вскоре вернулся и доложил, что мадемуазель сейчас выйдет. Впрочем, первыми появились слуги с чемоданами хозяйки. Багажа было так много, что Волков даже усомнился, что тот весь уместится на крыше экипажа. Хотя сомнения оказались излишними, и крепостные Ларионовых справились с поставленной перед ними задачей. После чего появилась и сама хозяйка. Аня выглядела как всегда обворожительно в легком светло-коричневом плащике и золотистом капоре.

– Bonjour, Анет. При каждой встрече я все больше восхищаюсь вашим совершенством, – поздоровался Волков и поцеловал даме ее маленькую ручку, скрытую под белой бархатной перчаткой.

– Bonjour, месье Волков, – улыбнулась Аня. – Я польщена.

Владимир открыл перед девушкой дверцу и подал руку, помогая взойти по ступенькам.

– Вы так галантны, – проворковала Аня.

Молодой дворянин улыбнулся и поспешил вслед за девушкой ойсалон экипажа.

– Мы можем ехать? – спросил он.

– Нет, нет, – неожиданно произнесла Аня. – Моя маман еще не готова!

– Ваша кто?.. Маман?! – чуть превысив рамки допустимого в обществе тона, взвизгнул Владимир. В мгновение он оказался ошарашен и расстроен. Он-то рассчитывал, что Аня поедет одна, и его будет ждать приятное путешествие в милой и веселой компании. А оказалась, все отнюдь не так.

Волков попытался скрыть внутреннее возмущение и еще раз любезно улыбнулся Ане.

«Ну что ж, сам виноват, – сказал он себе. – Петербург это далеко не Париж и здесь нравственные правила высшего общества чтутся все столь же яро, как и в былые годы... Теперь придется слушать всю дорогу женские сплетни и нравоучения, как, мол, было хорошо в наше время, и какая вся молодежь стала несносная».

– Да, моя маман, – продолжила Аня. – А разве я не говорила?

– Возможно, я пропустил это мимо ушей, сударыня.

– А вон, кстати, и она, – глядя в окно, кивнула Аня.

Владимир тоже взглянул в окно и увидел появившуюся фигуру мадам Ларионовой. Женщина гордой поступью приближалась к экипажу, старой вдовой она отнюдь не выглядела.

«Бойкая старушенция, – отметил про себя Волков. – Если хочешь знать, какой станет девушка в зрелости или даже старости, посмотри на ее мать».

Хотя былой красоты, даже если она когда-то и имелась, в Елизавете Федоровне сейчас не наблюдалось, зато прыти и энергии в ней было хоть отбавляй. Волков не без интереса заметил, как эта уже немолодая женщина лихо раздает команды крепостным, как она грозит им кулаком, и как они подобострастно кланяются, крестясь и обещая что-то барыне. Лишь после всего этого мадам Ларионова проследовала к экипажу. Владимир подал ей руку и помог взобраться.

– Здравствуйте, Владимир Михайлович, – любезно произнесла Елизавета Федоровна.

– Bonjour, мадам. Я рад вас видеть, – солгал Волков. – Мы можем ехать?

– Oui *, – ответила Елизавета Федоровна. – Прикажете кучеру трогаться.

* Oui (фр.) – Да

Волков распорядился, и экипаж сдвинулся с места. Покинув дом Ларионовых, кучер бойко погнал лошадей вперед, дорога вела их прочь от Петербурга. Лошадиные подковы звонко цокали о мощеную камнем улицу, колеса скрипели, но дорога казалась ровной, и повозку почти не трясло.

– Не люблю долгие путешествия, – сообщила Елизавета Федоровна.

– Отчего же, мадам?

– Езда по кочкам быстро меня утомляет. Наши дороги все в ухабах и ямах, не то, что в Европе.

– В этом и состоит прелесть России, что здесь все совсем не так, как в Европе, – постарался пошутить Волков.

Шутка оказалась вполне уместной, и Елизавета Федоровна звонко рассмеялась. Владимир не без удовольствия отметил, что Аня тоже улыбнулась.

– Месье Волков, это, наверное, так странно снова возвращаться в свое родовое гнездо? – неожиданно спросила Аня.

– Почему это должно быть странно? – спросила Елизавета Федоровна.

– Я имела в виду, маменька, как это должно быть печально возвращаться в свой дом после стольких лет, зная, что там тебя уже никто не ждет.

– Должно быть, так, сударыня. Но я не задумывался над этим, – ответил Владимир, немного слукавив, ведь такие мысли посещали его ни раз и, наверное, что-то в глубине его глазах в этот момент изменилось и это что-то не осталось незамеченным Аней, поскольку она все же резюмировала:

– Нет, это печально. Вы – Владимир Михайлович, напоминаете мне одинокого волка, лишённого стаи. И я думаю это так романтично.

– Аня! – замахала руками Елизавета Федоровна. – Не пристало молодой даме вести подобные речи!.. Простите ее, Владимир Михайлович, она у нас выросла на французских романах.

– Не вижу в этом ничего плохого, – улыбнулся Волков. – Я и сам люблю почитать. Помню в детстве, мама выписывала довольно неплохие книжки из Петербурга, поэтому в доме у нас всегда была хорошая библиотека.

– Большая библиотека – это чудесно! – с восхищением произнесла Аня. – Маменька не позволяет мне покупать много книг разом, и поэтому большую их часть мне приходится одалживать.

– Это я делаю лишь для того, чтобы ты не потеряла связи с окружающим миром, доченька, – постаралась оправдаться Елизавета Федоровна. – Ты и так постоянно читаешь.

– Книжки заостряют ум!.. – заметил Волков.

– А так же прививают дурной тон и заставляют человека предаваться несбыточным мечтам, – как бравый фехтовальщик, парировала мадам Ларионова. – К тому же, зачем молодым девушкам острый ум? Их обязанности: стать хорошей женой своему супругу, уметь воспитывать детей и вести хозяйство, а все эти ученые и прочие забавы пусть достаются мужчинам.

– Ты не права, маменька, – попыталась возразить Аня, но Елизавета Федоровна всплеснула руками:

– Вздор! И ничего более не желаю слушать! И вы, Владимир Михайлович, даже не вздумайте поощрять мою дочку в ее подобных вздорных мыслях!

Волков посмотрел на разгоряченную мадам Ларионову и решил за лучшее не вступать с ней в словестную дуэль. Поездка обещала быть долгой, а портить себе настроение раньше времени Владимир не хотел.

– Никоим образом, мадам, – сказал он, но все же подмигнул Ане так, чтобы ее маман этого не заметила.

– Вот и славненько, – довольная победой произнесла Елизавета Федоровна. – Владимир, с каждой минутой вы нравитесь мне все больше и больше, не то, что ваш покойный батюшка. Видно яблоко от яблони все-таки далеко упало.

Упоминание об отце изрядно не понравилось Владимиру, но и в этот раз он решил промолчать и не нарушать правил приличия, к тому же мадам Ларионова видно поняла, что сказала лишнее и поспешила исправиться:

– Владимир Михайлович, у нас в поместье вы всегда будете желанным гостем, так что заходите. Весь этот месяц мы точно проведем там. А в ближайшую субботу у нас намечается праздник в честь Аниного рождения, так что будем рады вас видеть.

– Почту за честь, – поблагодарил Владимир.

– Много народу не будет, – оживилась Аня. – Так, самые близкие, но, я думаю, вам понравится. Павел тоже придет, как и Алексей и граф Рябов.

Владимир вспомнил надменного графа и поморщился.

– Вам не понравился граф Рябов? – спросила Аня.

– Нисколько, – признался Владимир.

– Мне он тоже иногда не нравится, – сказала Аня. – Иногда он меня даже пугает, у него такой холодный и пронзительный взгляд, а шутки порой бывают такими жестокими.

– Надменный мальчишка, – фыркнула Елизавета Федоровна. – Но, впрочем, его семья очень богата и влиятельна, так что иметь таких знакомых всегда полезно.

– Мне иногда так хочется, чтобы его хоть кто-то поставил на место, – произнесла Аня. – И вам вчера это почти удалось, месье Волков! Правда я так испугалась, что он вызовет вас на дуэль...

– Дуэль! – округлила глаза Елизавета Федоровна.

– Не пугайся, маменька, это было просто недоразумение, и все обошлось.

– Не шутите с графом, Владимир Михайлович. Пообещайте мне, что вы больше не будете с ним шутить?! У него очень влиятельная семья, и это может выйти вам боком.

– Все зависит от обстоятельств, сударыня, – улыбнулся Владимир. – Что выйдет, то выйдет, но я не люблю, когда задевают мою честь.

– Несносный вы мальчишка, Владимир, – покачала головой Елизавета Федоровна. – Честь честью, но скольких она уже сгубила, эта честь. Иногда лучше оставаться живым, чем мертвым, но сохранившим честь!

– Позвольте с вами не согласиться, сударыня.

– А вот и не позволю! – возразила мадам Ларионова. – И вообще, разговоры о чести мне уже наскучили, давайте лучше поговорим о более приземленных вещах?!

– Как вам будет угодно, – произнес Владимир и отчего-то потерял всякий интерес к дальнейшей беседе и более стал прислушиваться к скрипу колес и цоканью лошадиных копыт, нежели к речам мадам Ларионовой, впрочем, к Аниным словам его уши были всегда открыты.

Ближе к вечеру экипаж доехал до поместья Ларионовых. Крепостные с рвением принялись за разгрузку барских вещей, Елизавета Федоровна бойко что-то прикрикивала, отдавая распоряжения. Владимир в очередной раз удивился командирской натуре этой далеко уже не молодой женщины, сохраняющей такую энергию. Впрочем, наслаждаться долго этим представлением Волков не стал. После того, как весь экипаж оказался избавлен от чемоданов семейства Ларионовых, Владимир попрощался, пообещав Ане прийти на ее день рождения и тайком от маменьки подарить книгу из домашней библиотеки, за что счастливая улыбка девушки стала ему наградой. После чего он раскланялся и отправился дальше.

Дорога вела в деревню Волковку, названную так в честь его древнего дворянского рода. Экипаж въехал в деревушку и устремился мимо маленьких крестьянских избушек. Местные жители: мужики и бабы, те, что оказались на улице, с удивлением уставились на повозку, вслед за которой тут же побежали дети.

«Наверное, давненько сюда никто не заезжал», – подумал Владимир и с грустью посмотрел вперед, туда, где находилось его родовое гнездо.

Дворянское гнездо

Смеркалось, когда груженная барская повозка въехала во двор старой усадьбы Волковых. Владимир вышел из экипажа, и его взору предстало родовое гнездо. Некогда большой и красивый трехэтажный особняк, ныне находился в полном запустении. С крыши свисала битая черепица, а стены выглядели грязными и обшарпанными, и кое-где их уже давно следовало бы подновить.

«Интересно, почему отец совсем не занимался усадьбой? – подумал Владимир. – Да и управляющий помещьем куда смотрит?! Ох, задам я ему!»

Владимир вспомнил, как здесь когда-то казалось так хорошо и уютно. Тогда, еще до службы в полку, когда он был совсем еще мальчишкой и лазил по крышам и деревьям, а крепостной дядька Игнат, приставленный к нему в услужение, бегал за юным баринком и лишь причитал; тогда, когда еще была жива матушка, и даже строгий отец вроде бы не бранился так строго и не помышлял о отправке сына на Кавказ; тогда здесь казалось совсем по-другому: так хорошо и по-детски спокойно.

На Волкова вдруг что-то накатило. Он не видел свое родное гнездо или стаю, как сегодня выразилась Аня, пять долгих лет. Стало вдруг очень грустно или *nostalgie**, как говорят итальянцы. Ком подступил к горлу. Но Владимир уже давно заставил себя принять, что все это в прошлом. Хотя взирать на то, во что превратилось поместье, все равно оказалось грустно.

* *Nostalgie* – лат. термин придуман в 1668 г. Йоханнесом Хофером; от др.-греч. "возвращение; поездка" + др.-греч. "боль, страдание".

«Куда только смотрит этот пройдоха управляющий?!»

– Игнат, – подозвал Волков верного крепостного, разгрузившего экипаж.

– Да, барин? – отозвался слуга, стягивая огромный чемодан с крыши повозки себе на плечи.

– Ты писал в поместье, что мы приедем?

– Никак нет, барин, – опуская чемодан на землю и садясь сам возле него, произнес Игнат. Он потер лоб, вздохнул и добавил. – Я решил, что неожиданный приезд будет лучше для порядку там и прочего...

– Верно решил. Слушай, бросай это дело, – Волков кивнул на чемоданы. – Негоже моему личному холопу этим заниматься. Пойдем лучше поглядим, что дома делается. Я, как-никак, пять лет здесь не был.

– Пойдемте, барин, – с радостью отозвался Игнат. Он тут же поднялся и начал отряхивать штаны в том самом месте, на котором сидел.

Волков повернулся и резко опустил трость на землю, отчего металлический кончик громко ударился о какой-то камень. Владимир нахмурился:

– Еще и камни какие-то под ногами. И где это, хочется знать мне, управляющий, почему это нас никто даже и не встречает?

Владимир, постукивая тростью, побрел в сторону дома, Игнат устремился за ним. В окнах первого этажа горел свет. Барин направился прямо к главному входу. Подойдя, он постучал отполированным серебряным набалдашником в виде головы волка в дверь. Через минуту ему открыли. Перед Волковым стоял молодой рыжеволосый парень, Владимир

отодвинул его в сторону тростью и прошел внутрь дома. Парень только рот открыл и с удивлением уставился на молодого барина.

В прихожей Волков увидел толстую бабу Авдотью ключницу, она всплеснула руками и как блаженная завопила:

– Слава тебе господи, барин наш родненький приехал!

– Тихо, тихо, – повелительно произнес молодой дворянин. – Здравствуй, Авдотья. Где этот пройдоха, управляющий, и почему усадьба в таком запустении?

– Этого я не ведаю, – сказала ключница. – А Митяй Пафнутич в гостиной с ипостатом борется.

– С каким таким ипостатом? – удивился Владимир.

– Ну, с этим иноземным! Приехал сюда, сказал, что память батюшки вашего покойного Михаила Андреевича, царство ему небесное, почтить хочет, – она перекрестилась, – а сам все пьянствует да гуляет. Третий день выгнать не можем! – запричитала Авдотья, разве что не расплакалась.

– Ну, полно, полно! Показывай мне, кто такой здесь без моего ведома распоряжается, – усмехнулся Владимир.

Ключница кивнула в сторону гостиной, из которой доносились громкие голоса. Волков направился туда, Авдотья робко засемила следом.

– ...А я вам говорю, что вы и так уже наполовину опорожнили хозяйский погреб! Что я юному барину скажу, коли он приедет?! – доносился из гостиной голос управляющего.

– Ах, ты, perro viejo**, да я нянчился с твоим баринком с семи лет, я был другом его отца. А когда приехал почтить его память, мне даже кубка вина поднести не могут! – взревел второй собеседник явно не трезвым голосом.

**Perro viejo(исп.) – старый пес.

– Вы уже третий день здесь пьянствуете! – возразил управляющий.

– Culo estúpido***, я поминаю твоего покойного господина. Так что тащи мне вина, пока я не насадил тебя на свою шпагу.

***Culo estúpido (исп.) – глупый ишак.

Раздался звук вынимаемого из ножен клинка. В этот момент Волков вошел в гостиную и увидел посреди комнаты остолбеневшего Митяя – крепостного мужичка, обученного грамоте, и заведующего делами в поместье. Напротив управляющего с вынутой из ножен шпагой стоял высокий и уже немолодой мужчина с черными волосами, кое-где затронутых пепельной сединой, тоненькими усиками и меленькой бородкой под нижней губой, какую носили многие испанцы. Своим захмелевшим, но все равно хитрым и острым взглядом он уставился на Владимира и медленно опустил шпагу.

– Мартин де Вилья, позволь в этом доме решать мне, кого стоит насаживать на шпагу, а кого нет, – спокойно произнес Волков.

– Барин, молодой барин приехал, – тут же запричитал Митяй и просяще бухнулся на колени. – Защитите меня от этого изверга, молодой хозяин, третий день уже весь дом в страхе держит, приехал, распоряжается тут, видите ли, пьянствует, весь погреб опорожнил, а мы ведь бегаем, подчиняемся, слово ему, Ироду проклятому, сказать боимся ...

Управляющий с надеждой посмотрел на барина, а потом с содроганием покосился на испанца, стоящего позади с занесенной над его головой шпагой.

Владимир сделал шаг вперед и строго посмотрел на де Вилью.

– Значит, ты все еще жив, старый лис?! – сказал он. – Кто тебе дал право распоряжаться в моем доме?

– Как только узнал я, что твой отец умер, я тут же приехал почтить его память, неблагодарный cachorro****, – возмутился Мартин. – И что я узнал, когда явился сюда?! Что сын моего друга, которому должно страдать у гроба отца, прохлаждается где-то в Париже, в этом городе вертепа и разврата, а к могиле отца вовсе и не торопится. А мне un viejo amigo*****, который отдал десять лет своей жизни, обучая тебя, засранца, в этом доме даже не могут поднести должного количества вина, чтобы я смог утешить свое горе!..

**** Cachorro (исп.) – щенок.

*****Un viejo amigo (исп.) – старому другу.

– Все, что я могу сказать на это, Мартин, – строго глядя прямо в глаза испанцу, произнес Владимир, – это то, что я тоже очень рад тебя видеть, – безмятежно улыбнувшись, закончил он.

Испанец помедлил секунду, а потом неожиданно расхохотался и, убрав в ножны шпагу, дружески похлопал по плечу бывшего ученика.

– Я смотрю, юный волчонок возмужал, – хохотнул Мартин. – Стал настоящим взрослым волком, уже и зубки научился скалить?

– У тебя и научился, – сказал Владимир, а затем посмотрел на удивленного Митяя, все еще сидевшего на полу посреди комнаты. – Ну, и что ты сидишь? Уже давно пора было распорядиться принести нам вина и еды, я проголодался с дороги. Да поживей!

Митяй тут же зашевелился, поднялся, а Владимир, напротив, опустился на диван и положил на стол, стоящий рядом, трость, перчатки и цилиндр.

– Эх, возьмусь я за вас, – добавил он. – Ты все понял, Митяй?

Управляющий кивнул.

– Тогда ступай.

Митяй тут же поспешил выполнить поручение, и скрылся из виду, забрав с собой старую ключницу Авдотью.

– Игнат, ты тоже можешь быть свободен, – продолжил Владимир, обратившись к личному слуге, все это время стоящему рядом и с интересом вззирающему на все происходящее. – Сходи навести родных, знакомых, напейся, если хочешь. А коли вдруг понадобится, я прикажу отыскать тебя.

– Спасибо, ваше благородие, – поклонился Игнат. – Навестить родных мне и в самом деле ой как хочется. Как-никак пять лет их не видел, а все с вами на чужбинушке маялся.

– Ну, не так-то ты там и мучился, пройдоха, – усмехнулся Владимир. – Ну, хорошо, ступай.

И Игнат тоже ушел, а испанец опустился на диван возле Волкова.

– Я вижу, ты совсем не торопился к могиле отца, – с укоризной сказал он.

– Почему же, я приехал, как смог, – отозвался молодой барин.

– Отчего же тогда я приехал раньше? – парировал испанец.

– Не знаю, – отмахнулся Волков. – Время странная штука, для одних оно течет

медленнее, для других быстрее. Плюс ко всему меня задержали неотложные дела в Петербурге.

– Дела, которые важнее дани последней памяти твоему отцу?! – удивился Мартин и взмахнул рукой для усиления эффекта.

– Не надо превращать все в пафос, дорогой мой наставник, – произнес Владимир. – Ты сам знаешь, что отец не шибко-то и любил меня, иначе он не отправил бы меня на эту проклятую войну.

– Ты неправ! – парировал Мартин. – Твой отец был благородным человеком, и он любил тебя и хотел, чтобы ты стал настоящим мужчиной, иначе бы он не отправил тебя на эту войну.

– Что-то не слишком-то убедительно это звучит, – усмехнулся Владимир.

– Вздор! – вскричал испанец. – Да, отец был к тебе строг, но лишь потому, что он любил тебя и не хотел, чтобы ты стал тряпкой. Мой отец был borracho***** и постоянно избивал меня, но даже он любил меня, а все его нападки были лишь для того, чтобы закалить мой характер.

*****Borracho (исп.) – пьяница.

– И, как я вижу, это ему вполне удалось.

– В яблочко! Плох тот отец, что никогда не бьет своего сына!

– У нас в России тоже принято говорить: бьет – значит любит.

– Верно говорят!

– Но мой отец не шибко то и бил меня, эту привилегию он отводил тебе, и твои тумаки по сей день крепко засели в моей памяти.

– Зато мои побои помогли закрепить в тебя мою науку, – назидательно сказал Мартин. – Надеюсь, ты еще не забыл, как держать шпагу?

– Нет, твоя наука крепко отпечаталась у меня в мозгу, так же как и пряжка твоего ремня на моих ягодицах.

– Ха-ха-ха, – расхохотался испанец и растрепал Волкову волосы. – Как же я скучал по тебе, вздорный мальчишка. Даже по твоим хитрым проделкам.

– Наверное, ты вспомнил о том случае, когда я залил клей тебе в ножны и на очередном уроке ты не смог вытащить шпагу, из-за чего потом бегал за мной по всему поместью с криками и проклятиями?! – тут же оживился Волков. – Или, может быть, тебе вспомнился случай, когда я вылил целый флакон слабительной микстуры тебе в вино и ты целые сутки не мог покинуть клозет?! Ах, нет, наверное, больше всего тебя развеселила ночь на Ивана Купалу, когда ты заперся у себя в комнате вместе с двумя весьма милыми молодыми девками, а я вместе с дворовыми мальчишками, обмазавшись сажей и натянув рога, начал ломиться к тебе в комнату?!... Боже, я до сих пор помню визг этих девок и потом, как ты без портков бежал за нами через весь луг. – Владимир рассмеялся. – Когда ты поймал меня, ты был так страшен и зол, что я подумал, что ты непременно заколешь меня своей шпагой, словно дикую свинью, но, слава богу, все обошлось!

– Да уж... мальчишкой ты был несносным, не зря я порол тебя, – пробурчал испанец, но на его лице тоже сияла улыбка. – Веселые были годы!

– Да, – улыбнулся Владимир. – А чем ты занимался после того, как покинул Россию? Я пытался найти тебя, когда жил в Европе, но до меня доходили только смутные слухи.

– Я продавал свою шпагу за приличную цену, где только мог, – отозвался Мартин. – Другого заработка для себя я не представляю, не всем же рождаться дворянами в богатой семье и с неплохим наследством!

– Вот ты и опять упрекаешь меня, Мартин, – обиженно произнес Владимир. – Хотя и знаешь, что семью и место рождения не выбирают! Кто знает, возможно, если бы я не родился дворянином, то тоже продавал бы свою шпагу, где только мог!

– Возможно, если бы ты не родился дворянином и именно в этой семье, никакого умения обращаться с оружием у тебя бы вообще не было! За это ты должен быть благодарен только своему отцу!

– Вот, мы и опять вернулись к нему, – заметил Владимир.

– Он послужил причиной нашей встречи и нам должно скорбеть о нем!.. И вообще, где вино, с чьей помощью нам должно поминать усопшего отца и друга?! – возмутился Мартин.

– Наверное, оно уже в пути, – поспешил успокоить разгоряченного испанца Владимир, опасаясь за здоровье управляющего, которого он еще и сам не успел отчитать, как должно.

– Хорошо если так... – хмуро заметил Мартин. – Я надеюсь, ты хоть упражняешься в фехтовании?

– Всенепременно! – уверил его Владимир. – Как только выпадает свободная минутка.

– Где твоя шпага?

Владимир потянулся к столу и, взяв трость за голову серебряного волка, вынул из нее скрытый клинок.

– Вот моя шпага! – сообщил он.

– Больше похожа на какую-то зубочистку, – фыркнул испанец и показал Владимиру свою длинную и изящную шпагу, удобно лежащую в кожаных ножнах.

– У нас в России больше предпочитают саблю или шашку, – постарался парировать Владимир.

– Оружие варваров, – фыркнул испанец.

– Возможно, – согласился Владимир. – Я тоже больше склонен к шпаге! Но эта, как ты выразился, зубочистка, – Волков потряс маленьким и тонким клинком, извлеченным из ножен трости, – не раз спасала мне жизнь на улицах Парижа.

– Париж это не Мадрид, там бы тебя точно закололи!

– Ой, не начинай, Мартин. Я ведь учился у лучшего?! – Волков дружески хлопнул испанца по плечу, тот улыбнулся и изрядно повеселел.

– Даже и не думай подлизываться ко мне, волчонок! – сказал он. – Я еще проверю твою форму, а пока... – Мартин замотал головой по сторонам. – Где наше вино, черт побери?

Как по-волшебству в комнату вбежал управляющий с огромной бутылкой вина в одной руке и двумя бокалами в другой. Следом за ним с большим подносом спешила Авдотья-ключница.

– Отчего так долго? – любопытствовал Владимир.

– Да! Ты, что же, хочешь заморить нас голодом, *petto viejo*? – возмутился испанец.

Управляющий с недоверием покосился на шпагу, которая до сих пор лежала у Мартина на коленях, а затем, осторожно поставив вино на столик, спрятался за Авдотью.

– Я распорядился насчет горячего, барин, – пролепетал он.

– Распорядился насчет горячего, – передразнил испанец. – Порасторопней надо быть!

– А он прав, – кивнул Владимир. – Твой барин умирает с голоду, а ты и не торопишься. Смотри, завтра я проверю все бумаги расходные и доходные, и ни дай бог, я найду там хоть

какое-то несоответствие, я с тебя шкуру живьем спущу.

Митяй Пофнутич побледнел и, бухнувшись Волкову в ноги запричитал:

– Вот вам крест, барин. Ни копейки себе не прикарманил! Всю жизнь я служил вам и вашему батюшке только верой и правдой, и радел лишь о благополучии вашего почтенного семейства!

– Полно тебе ползать, Митяй, – махнул рукой Волков. – Я не люблю этого подобострастия. Ты лучше скажи мне, почему поместье в таком запустении: отчего краска на стенах облупилась, почему кровля на крыше прохудилась?

– Вот вам крест, барин, – снова запричитал управляющий. – Сколько раз я говаривал вашему покойному батюшке, что пора бы уже и фасад подновить, а он все отмахивался. Никаких дел затевать не хотел. Все больше сидел у себя в кабинете за бокалом вина и грустил.

– Грустил говоришь? – удивился Владимир. Насколько он помнил, его покойный отец унынием не отличался.

– Да, барин, самое что ни на есть, грустил. Эта вам и Авдотья подтвердит.

Ключница замахала головой.

– По вам он грустил, молодой барин, – заговорила Авдотья. – Каждый день поминал вас; проказы ваши детские, игры разные и все говаривал: «Вот вернется Владимир, тогда и заживем», а вышло то оно, как! Не дождался он вас. – И старая ключница разрыдалась.

– Ну, полно, полно, Авдотья... – произнес Владимир. – Ладно, ступайте, о делах поговорим позже.

Управляющий и ключница поспешили удалиться. Мартин откупорил бутылку вина и наполнил фужеры.

– Ты все еще думаешь, что отец тебя не любил? – спросил испанец.

– Не знаю, – ответил Владимир, но отчего-то на сердце сразу стало так паршиво. – Знаешь, мне уже почему-то не хочется вина. Наверное, и в самом деле пойду, пройду и навещу могилу отца.

Испанец как-то странно посмотрел на Владимира, лукавыми, пьяными глазами и лишь усмехнулся.

– Конечно сходи, пройди, и я думаю, что лучше это тебе сделать одному, а потом приходи сюда, и мы вместе зальем пожар грусти этим чудесным... Фу, пакость... – Мартин небрежно поставил фужер на стол да так, что половина содержимого вылилась на белоснежную скатерть, – французское, терпеть не могу французское! И ведь этот регго виежо знает, что я не могу терпеть это французское пойло! Где он, где этот чертов управляющий? Ну, сейчас я ему задам!

– Только не убей его, – улыбнулся Владимир. – Он мне еще пригодится.

– Это как выйдет, – пробурчал испанец и побрел на поиски управляющего, впрочем, шпагу он оставил лежать на диване. Владимир как-то с грустью посмотрел на нее, ведь она тоже являлась напоминанием о прошлом, а затем поднялся и направился к могиле отца.

Владимир нашел Авдотью и, взяв у нее масляный фонарь и ключи, направился в сад. На улице уже совсем стемнело, и лишь свет фонаря освещал Волкову дорогу через старый увядающий сад.

«А ведь когда-то летом здесь было так хорошо и свежо», – подумал Владимир.

Он вспомнил, как в детстве в тени этих высоких яблонь он прятался от испепеляющей жары, как он лежал на траве и смотрел в небо, мечтая о военной славе, а мать читала ему французские романы.

Молодой дворянин шел дальше через сад, мимо деревьев с уже опавшими листьями, которые теперь желтые и сухие лежали по всему саду. Листву тоже отчего-то никто не убирал. Владимир прошел в конец сада и остановился у небольшого каменного строения – фамильного склепа рода Волковых. Старый проржавевший ключ, полученный от Авдотьи, он вставил в замочную скважину и повернул. Со скрипом отворились внушительного вида железные двери. Из склепа повеяло могильным холодом, но Владимир, держа фонарь перед собой, без страха вошел внутрь.

«Мертвых не стоит бояться, они уже никому не смогут причинить зла, – часто говаривал отец и добавлял: – Бояться стоит живых!..»

В склепе оказалось темно и сыро. Владимир прошел вглубь и остановился у надгробной стены с множеством запечатанных створок, на которых виднелись имена усопших. Освещая надписи масляным фонарем, Волков нашел могилу матери. Нежно, будто опасаясь, что буквы начнут осыпаться, он провел рукою по ее имени – «Катерина Максимовна Волкова» гласила надпись. Владимир отвел взгляд в сторону и прочел «Михаил Андреевич Волков». За этой створкой лежал его отец. Молодой дворянин прижал к плите руку и опустил голову.

Сотни мыслей витали в его сознании, каждая тянула в свою сторону и будто разрывала мозг, стараясь выпорхнуть наружу. Нужно что-то сказать, но Владимир не знал что. Возможно, следовало заплакать, но слез тоже не было.

– Любил ли ты меня, отец? – задал вопрос Волков могильной плите, но та с гордостью сохранила молчание.

В голове тут же всплыл образ отца: всегда серьезного, строгого, но не властного. А потом будто по волшебству сознание припомнило слова Мартина и Авдотьи-ключницы.

– Наверное, все-таки да, – произнес Владимир. – Пусть и своей строгой любовью.

Волков помедлил, а потом произнес слова, которые старой наболевшей раной давно хранились у него в сердце:

– Но тогда почему же ты отослал меня в Париж после ранения?

Надгробная плита вновь сохранила молчание, лишь слова Волкова эхом разлетелись по склепу. Владимир помедлил, будто все еще дожидаясь ответа, и вдруг ответ сам родился в его голове:

– Потому что ты все-таки любил меня, старик! – он улыбнулся. – Ты думал, что так для меня будет лучше и тем самым пытался искупить угрызения совести, мучившие тебя за полученное мной ранение... Всю жизнь ты боялся показать свои чувства, но ты любил меня, отец. – Владимир прижался лбом к надгробной плите и произнес. – Я не держу на тебя зла, отец, и если в чем-то ты и виноват передо мной, то я прощаю тебя за это. Прости же и ты меня, своего несносного отпрыска, поскольку и я люблю тебя, отец.

И отчего-то на душе сразу стало намного легче.

Глава 6

Плохая примета

Следующим утром Владимир проснулся рано. Вчера после возвращения из фамильного

склепа, Мартин был уже чертовски пьян и клевал носом. Волков пропустил с ним пару бокалов вина, а потом, когда понял, что наставник уже практически отключается от выпитого, покинул его и тоже отправился почивать. Продолжил ли Мартин наслаждаться плодами Диониса в одиночестве, этого Владимир не знал, хотя и догадывался, что испанец не успокоится, пока бутылка не покажет дно.

Молодой дворянин встал с пуховой перины и, натянув шелковый халат, отправился вниз. В коридоре он встретил Авдотью.

– Доброе утро, барин.

– Доброе, – кивнул Владимир. – Где наш гость?

– Где же ему быть-то, ироду этому?! В гостиной дрыхнет. Прикажете разбудить? Только сама я этого делать не буду, а то, не дай бог, зарубит он меня с перепоею своею шпагой.

– Нет, не стоит. Пусть спит. Лучше прикажи подать мне завтрак. И пусть его принесут в отцовский кабинет, я буду там.

– Как скажите, барин, – кивнула Авдотья и удалилась.

А Владимир отправился в кабинет. По пути он заглянул в гостиную. Испанец, не раздеваясь, спал на диване в обнимку с бутылкой и громко храпел. Волков лишь покачал головой и пошел дальше.

В кабинете отца оказалось все по старому: такие же темно-зеленые обои, как и раньше, такая же мебель красного дерева с множеством шкафчиков и полок, на которых стояли сотни книг. Над письменным столом, как и прежде, висел портрет государя, но не нынешнего Николая, а Александра, императора, под знаменами которого Михаил Андреевич сражался против наполеоновских войск. Неподалеку висел и портрет Кутузова, спасителя отечества, как его называли. Старый седой генерал прищурил единственный глаз и с гордостью смотрел на Владимира. Ну, куда большую ценность для молодого дворянина представлял третий портрет, где были изображены хозяева дома: мать в белоснежном платье, сидящая в кресле, отец в строгом военном мундире, стоявший немного позади и положивший руку на плечо супруге, и он, юный Владимир, отроду семи лет, в беленькой рубашке и с длинными черными, вечно растрепанными волосами.

Волков улыбнулся и опустился в кресло, стоящее напротив большого письменного стола. Затем он открыл нижний шкафчик, где у отца хранились все бумаги, и принялся их изучать.

Через какое-то время в дверь тихо постучали.

– Войдите, – произнес Владимир, не отрываясь от бумаг.

Дверь открылась, и в комнату вошли Авдотья с большим подносом и Митяй Пафнутич.

– Ваш завтрак, барин, – сказала Авдотья.

– Утро доброе, барин, – поклонился Митяй.

– Доброе, – сухо произнес Волков. – Кстати, это хорошо, что ты зашел ко мне. Сейчас поможешь разобраться в отцовских бумагах, а заодно и про то, что в поместье делается, потолкуем.

– Слушаюсь, барин, – отчеканил управляющий.

Авдотья поставила перед Владимиром поднос со свежими горячими булочками, крепким чаем, маслом и клубничным вареньем в пиале. Увидев все это Волков улыбнулся.

– Как же я люблю твою стряпню, Авдотья, – любезно произнес молодой барин. – И как же я изголодался по ней в Париже. Никакая французская выпечка не сравнится с твоими сдобными булочками.

– Шутить извольте, барин, – смущенно заулыбалась Авдотья.

– Ничуть, – сказал Владимир и, взяв горячую булочку, принялся намазывать на нее масло, а затем и варенье, после чего с наслаждением откусил кусочек, и мечтательно закатив глаза, произнес: – Лепота!

– Кушайте, кушайте, барин, – произнесла Авдотья, польщенная такой похвалой. – Вон как на чужой земле исхудали-то. Но это ничего, мы тут вас откормим. Хотите поросю вечером зарежем и приготовим? Молочненького, вкусненького!

– Поросю говоришь?! А почему бы и нет. Можно и поросю. Ну, хорошо, ступай, к вечеру видно будет.

Авдотья поклонилась и ушла, а Владимир, продолжая завтракать, начал разговор с управляющим. Митяй Пафнутич, расплываясь на комплименты и любезности, принялся рассказывать барину о делах хозяйских; о доходах и расходах; о том, как работают крепостные мужички, сколько урожая собирают, и куда этот урожай идет; о том, что иногда крепостные и шалить изволят, но благодаря ему, Митяю Пафнутичу, строгому, но справедливому руководителю, которому покойный барин поручил все дела, и честь знают, и потому, чаще всего ведут себя смиренно. Потом Митяй еще долго показывал Владимиру какие-то циферки, плюсики и минусики в учетной книге, ссылаясь, что под его руководством доход, который приносит поместье, в последние годы вырос, в чем только его, как управляющего, заслуга. И вообще, чтобы Митяй не говорил, все у него выходило хорошо и преотлично. От этой долгой и нудной болтовни у Владимира даже разболелась голова, и ему захотелось на воздух, поэтому барин резко захлопнул доходную книгу и произнес:

– Так, надоел ты мне! С этим закончим потом. А пока слушай, найди работников среди крепостных и распорядись, чтобы фасад в поместье подновили, подкрасили там, где надо, да и крышу подлатали. Понял?

– Понял, как не понять, – кивнул управляющий.

– Хорошо. А сейчас распорядись, чтобы мне коня приготовили да ружье. Хочу воздухом подышать, проехаться по окрестностям, может, и дичь какую подстрелю.

– Прикажете собак подготовить? У вашего батюшки такие собаки... – начал было Митяй, но Владимир оборвал его.

– Нет, не стоит. Только коня! Проедусь так, на удачу, я больше воздухом хочу подышать, чем поохотиться.

– Как будет угодно, барин, – кивнул управлявший и пошел выполнять поручение.

Спустя час, верхом на белом жеребце, Волков выехал из поместья. Несмотря на осень и уже пожелтевшие листья, день выдался теплым и солнечным. Черный щегольской костюм молодой дворянин сменил на более удобный, при верховой езде, серый. Охотничье ружье лежало в кобуре, привязанное позади к седлу. В общем-то, Владимир и не собирался охотиться, ему просто хотелось проветриться и посмотреть окрестности, но ружье всегда лучше иметь при себе на любой непредвиденный случай, который всегда мог приключиться в дороге. Впрочем, возможности подстрелить что-то на ужин он тоже не исключал.

Белый конь гордо вышагивал по деревенской улице. Волков осматривал такие знакомые с детства избы своих крепостных крестьян. Со свойственной барскому сердцу практичностью молодой дворянин отметил, что эти домики выглядят вполне благополучными и удобными для жилья. Но все же Владимир остановил жеребца возле

проходившего мимо крестьянина, бородатого мужичка в овечьей шапке. Тот снял перед Волковым головной убор и низко поклонился.

– Здорово, – сказал Владимир, сверху глядя на мужичка.

– Здравствуйте, ваше благородие!

– Знаешь ли ты, кто я такой? – спросил дворянин.

– Как этого не знать-то! – ответил мужичок, почесывая растрепанную бороденку. – Вы покойного барина нашего Михайло Андреевича сын.

– Откуда знаешь? – удивился Владимир. – Помнишь, али рассказал кто?

– Припомнить, я бы вас, ваше благородие, вряд ли сумел. Я вас только мальчишкой видывал, когда вы вместе с крестьянскими ребятишками по деревне бегали и шалить изволили. Но о том, что вы приехали, уже вся деревня ведает.

– Небось, Игнатка рассказал?

– Он! Кто же еще!

– Вот старый плут, – улыбнулся Волков, а затем подумал, что ему, как новоиспеченному барину, стоит хоть что-то спросить о жизни крестьян: – И что, как живется тебе, мужичок?

– Как живется? Благодарственно живется! Еда, вода есть. Работой сильно не перегружен... Благодарственно, в общем!

– Ясно, – хмыкнул Владимир, поняв, что совсем ничего не узнал о жизни крестьянина. – Ну ладно, ступай мужичок.

Тот еще раз поклонился барину и пошел своею дорогой, а Волков поехал вперед, подгоняя коня. По дороге ему попадались и другие крестьяне: мужики снимали перед баринком шапки, бабы любезно кланялись, а детишки бросали на Владимира полные любопытства взгляды или бежали следом, пока взрослые не окликали их.

Вскоре деревня кончилась, и дорога, которой ехал молодой барин, повернула к лесу. Сейчас ранней осенью лес выглядел по-настоящему сказочно. Листья деревьев, золотые и красные, тихо колыхались от порывов ветра и иногда срывались с ветвей и падали вниз, устилая землю. Волков двинул жеребца вперед, и сухие листья тихо зашуршали под его копытами. Через полупустые кроны деревьев в чащу проникало достаточно света, который отражался в ветвях и создавал легкую полу-дымку, висевшую в воздухе. Молодой дворянин пришпорил коня, и тот побежал быстрее, пытаясь рассеять лесной туман. Воздух казался свежим и пьянящим, все вокруг дышало осенью. Потоки ветра били Владимиру в лицо, и ему то и дело приходилось прижиматься к гриве коня, чтобы случайная ветка не выбила его из седла.

Очутившись глубоко в лесу, Волков приостановил жеребца. Затем слез с него и, привязав коня прямо на лесной дороге к ближайшему дереву, взял ружье и дальше отправился пешком. Осторожно ступая по сухим, шуршащим под ногами листьям, Владимир свернул с дороги и направился в чащу, прислушиваясь, но ничего кроме дуновения ветра не слыша. Но все же азарт охоты на то и азарт охоты, что, взяв в руки ружье, уходить из лесу без добычи не хочется, и потому дворянин медленно побрел дальше, стараясь создавать как можно меньше шума.

Лесная прогулка продлилась около часа. За это время лес ему порядком поднадоел, но ни одного зверя Владимир так и не встретил. Несколько раз он слышал вскрикивание птиц, но, подходя ближе, либо не находил в них ничего полезного, либо испугивал осторожных пернатых.

Спустя еще полчаса Волков уже совсем отчаялся и, проклиная лес и охоту, собрался

было возвращаться, как вдруг неподалеку услышал шорох кустов. Какой-то зверь явно бежал к нему. Владимир остановился, замер, поднял ружье и прицелился по направлению к приближающемуся зверю. И тут из кустов выскочил заяц! На минуту он остановился и с удивлением уставился на Волкова. Владимир спустил курок, воздух наполнился едким дымом и запахом пороха, но охотник уже знал, что промахнулся. Заяц отскочил в сторону, но вместо того, чтобы улепетывать, кинулся к ближайшему дереву, ствол у которого оказался разошедшийся, отчего у основания образовалось дупло. Заяц кинулся в это, как ему казалось, спасительное отверстие и притаился.

– Ну, вот ты и попался, дружище! – улыбнулся Владимир. – Какая ни какая, а все же добыча.

Охотник подошел к дереву, наклонился и, просунув руку в дупло, попытался схватить зайца. Но уже секунду спустя, вскрикнув, Владимир отскочил в сторону и, ругаясь крепким русским словом, совсем не свойственными дворянскому кругу, а куда более близкими простому крестьянскому, прижал к губам укушенную ладонь. Зверь и не думал так дешево продавать жизнь.

– Ну, заяц, погоди! – процедил Волков сквозь зубы и с яростью всунул руку в дупло.

На этот раз ладонь ощутила что-то мягкое, и Владимир понял, что поймал зайца за уши. С силой он потянул зверя, тот упирался и ни в какую не хотел так просто сдаваться, но хватка молодого дворянина победила, и с трудом, но он все же вытащил зверя на поверхность.

Держа зайца за уши, Владимир осмотрел его: зверек оказался небольшой, серый, с маленькими черными глазками, жалобно и испуганно глядящими на своего поимщика.

– Да не зыркай ты так на меня, братец! – сказал Волков, чуть-чуть смутившись. – Все равно не отпущу!

В ответ заяц испуганно зашевелил усами.

– Худ ты конечно. Но думаю, что Авдотья приготовит из тебя отличное рагу.

Наверное, заяц не понял его, или просто смирился со своею долей, поскольку внезапно успокоился и теперь лишь тихо, но глубоко дышал. А Владимир, так же продолжая держать зверя за уши, побрел к лесной дороге.

Спустя какое-то время Волков нашел жеребца на том самом месте, где и оставил. Подойдя к коню, Владимир открыл сумку, привязанную к седлу, и достал мешок. Внутри он поместил пойманного зайца и довольный, усевшись в седло, поскакал вперед.

Настроение у молодого дворянина было приподнятое. Удачная и даже необычная поимка зверя развеселила его, и потому Владимир решил проехаться еще немного вдаль по лесной тропинке.

Впрочем, вскоре эта тропа закончилась и лес тоже, и перед Волковым предстало скошенное поле, заполненное сухими стогами. Владимир решил объехать его и возвращаться домой по лесной тропинке, когда вдруг услышал веселый женский голос. Он показался ему смутно знакомым, и молодой дворянин направил жеребца вперед, навстречу голосу, который звонко раздавался из-за ближайшего сеновала. Неспешной походкой конь обошел стог, и там Владимир увидел пухлую и весьма непривлекательную крестьянку, которая вдруг дико заверещала:

– А-а-а, мужчина!

Волков даже смутился, и уже было хотел развернуть жеребца, как вдруг услышал другой голос, тот самый, по зову которого он и пришел сюда:

– Тихо, тихо, Марфа, успокойся!

Услышав эти слова, Владимир сразу приободрился и, приостановив коня, повернулся к обладательнице чудесного голоса и, улыбнувшись, произнес:

– Bonjour, мадмуазель Ларионова.

– Bonjour, месье Волков, – приветливо улыбнулась Аня. – Рада вас видеть.

Девушка сидела на клетчатом покрывале, поверх которого оказались расставлены чайные приборы, а поодаль стояла корзинка для пикника. Аня была одета в нежно голубое платье, а ее длинные черные волосы развевались на ветру.

– И я рад вас видеть, сударыня, – кивнул Владимир. – Чего нельзя сказать о вашей спутнице.

– О, не волнуйтесь о Марфе, она у нас малость пугливая.

– Госпожа, просто ваша маменька не велела вам разговаривать с мужчинами, – насупившись, произнесла крепостная Ларионовых.

– Не говори глупостей, Марфа! Месье Волков – наш добрый друг. Ведь так, месье Волков?

– Сударыня, зовите меня просто – Владимир.

– Хорошо. И что же заставило вас, Владимир, в это чудесное утро покинуть свое поместье? Дела?

– Напротив, забава. Я был на охоте.

– О, охота? Это так интересно! И много ли зверья вы убили нынче?.. И кто это так неистово бьется у вас в мешке? – Аня кинула заинтересованный взгляд на шевелящийся мешок Владимира, привязанный к седлу коня.

– А это и есть моя добыча, – усмехнулся Волков, слезая с коня.

– Как интересно! Оно живое!? И кто там?

Владимир взял мешок и, развязав его, вытащил за уши зайца.

– Ой, какая прелесть! – Аня захлопала в ладоши. – Можно потрогать?

– Конечно, сударыня.

Аня подошла к Волкову и, протянув руку, осторожно погладила зверька по мягкой шерстке.

– Вы полностью оправдываете свою фамилию, Владимир. Поймали себе на обед настоящего зайца, как истинный дикий волк.

– Думаю, рагу из него выйдет отменное, – усмехнулся Владимир.

– Бедненький. Мне его так жалко. Еще совсем недавно он бегал по лесу, а теперь его судьба – очутиться в кастрюле на барском столе.

– В жизни так тоже часто бывает! – заметил Волков. – Сегодня мы наслаждаемся обществом, а завтра можем оказаться на столе у сильных мира сего, в качестве закуски, выражаясь образно.

– Ну да, вы правы, – кивнула Аня, продолжая рассматривать зайца и глядя его по голове. Неожиданно ее маленькие пальчики коснулись руки Владимира, и он ощутил их тепло и приятную нежность. Но это продолжалось не долго, в смятении девушка одернула ручку и, опустив глаза, смущенно произнесла:

– Но те же сильные мира сего могут проявить и великодушие, помиловав и подарив жизнь своему пленнику?!

– Такое тоже случается, – кивнул Владимир. – Хотите, я подарю этого маленького бедолагу вам, а вы уже сами решите миловать его или казнить.

– Конечно, хочу, – сказала Аня и на ее лице засияла улыбка. – Но знайте, что моя рука никогда не поднимется на это милое создание.

– Ваше право, сударыня, – улыбнулся Волков и игриво подмигнул Ане, на что та смущенно опустила взор, но в самый последний момент уголки ее губ радостно дрогнули, и это не осталось незамеченным для Владимира.

Но насладиться мгновением легкого мужского торжества молодому дворянину не дала Марфа. Крепостная Ларионовых громко и многозначительно хмыкнула, и Владимиру с Аней пришлось обратить взгляды к ней.

– Мне кажется, что ваша маменька не одобрит этот комок шерсти в своем доме, – назидательно произнесла Марфа. – К тому же, нам уже давно пора возвращаться!

– А я думаю, что я смогу уговорить ее! – сказала Аня. – Но насчет возвращаться, ты права... Простите Владимир, я обещала маменьке быть к полудню, и если задержусь, она забеспокоится.

– Я вас прекрасно понимаю, сударыня, – кивнул Владимир. – Не смею больше задерживать.

– Вы и не задерживали меня, – улыбнулась Аня. – Это была моя инициатива... Марфа, возьми у месье Волкова этого чудесного зверька и помести его в нашу корзину для пикника.

Крепостная повиновалась и, забрав у Владимира зайца, поспешила выполнить поручение хозяйки. Волков же, отдав зверя, запрыгнул на белого жеребца и, напоследок улыбаясь девушке, произнес:

– Au revoir*, Анет, мне было приятно увидеть вас вновь, надеюсь, этот заяц будет вам напоминанием обо мне.

*Au revoir (фр.) – до свидания.

– Всенепременно, Владимир. И обещайте мне, что завтра вы придете на мой день рождения?!

– Конечно! Как я могу упустить подобное событие. А теперь au revoir! – повторил Владимир и, ударив коня, поскакал вдаль через сухое поле к лесной тропинке.

Глава 7

Перекрещенные шпаги

Далеко за полдень Владимир Волков возвратился в поместье. Голодный, уставший и без добычи, но зато осчастливленный обществом Ани. Молодая прелестница явно начинала ему нравиться; она была юна, обворожительно красива, неопытна и еще столь наивна, что это просто очаровывало. Всю обратную дорогу ее большие, черные как два уголька глаза не давали Владимиру покоя, он то и дело возвращался к ее миленькому личику и длинным черным локонам, развевающимся на ветру, что эти мысли даже начали его тревожить.

«Неужели я начинаю в нее влюбляться? – с тревогой в сердце подумал Владимир. – Нет, нет, я не должен этого делать. Она принадлежит другому. Хотя принадлежит, это все-таки громко сказано. Но этот другой мой друг!.. Но все же она так обворожительно прекрасна... Нет, нет, даже и не думай об этом!»

Но все же мысли об Ане отбить оказалось не так-то просто, и они продолжили его преследовать. В таком необычном для себя состоянии, полный сомнений и противоречий он

въехал во двор поместья, ни на что не обращая внимания и ни с кем не заговаривая, повел коня в стойло.

В конюшне никого не было, но дверь оказалась не заперта. Владимир вошел, ведя жеребца следом, и пошел мимо закрытых лошадиных денников в поисках свободного. Вскоре такое стойло обнаружилось и, заведя жеребца внутрь, молодой дворянин запер за ним дверь. Возможно, конь тоже был голоден и ему, наверное, стоило бы дать сена или овса, но самому заниматься столь неблагородным делом Волкову не хотелось и потому, заперев жеребца, барин направился прочь по длинному коридору конюшни мимо запертых денников.

Дверь в конце коридора он оставил открытой, и из нее в помещение проникал яркий дневной свет. Но вдруг этот свет померк, и в проеме появилась чья-то фигура. Владимир не сразу разглядел, что это Мартин. Испанец лукаво улыбался и держал что-то на плече. Присмотревшись, Волков понял, что это две шпаги.

– Amigo, твой старый хрыч-управляющий сказал мне, что ты на охоте, почему же ты не позвал меня с собой? – спросил де Вилья, все так же оставаясь в дверном проеме и загораживая свет.

– Ты так сладко спал после выпитого вчера, что мне не хотелось тебя будить.

– Печально, – сказал Мартин. – Мне следовало проветриться с утра. Но зато я неплохо выспался. И выспался бы еще лучше, если бы твои нерадивые слуги не начали уборку в гостиной.

– Подозреваю, что это была Авдотья?!

– Ага, толстуха! – фыркнул де Вилья. – Она разбудила меня своею возней, а когда я прикрикнул на нее, она кинулась бежать, как дикая горная коза. Ума не приложу откуда в ней столько прыти?!

– Она еще та баба! – улыбнулся Владимир.

– Но я пришел не за этим. Вчера я обещал, что проверю твои навыки, и вот я здесь! – сказал испанец и кинул молодому дворянину одну из шпаг.

Реакция Владимира оказалась мгновенной, он поймал клинок на лету.

– Знаешь, Мартин, я конечно рад, что ты заботишься о моих навыках, но у меня нет никакого настроения заниматься этим именно сейчас. Я устал, чертовски проголодался, а мысли мои заняты совсем другими заботами.

– Ой! И чем это так заняты твои мысли? Неужели в лесу нашелся зверь пострашнее молодого волка?! Тебя медведь напугал? – и испанец громко расхохотался.

– Меня, конечно, веселят твои шутки, Мартин, но зверь, которым заняты мои мысли, куда страшнее и опаснее любого медведя!

– Ясно! Опять увязался за очередной юбкой, и теперь твои мысли заняты только ею, ну тогда тебе тем более следует отвлечься. – И испанец сделал шаг вперед, поднимая шпагу.

– Мартин, я же уже сказал...

Но испанец не стал его даже и слушать, вместо этого он сделал молниеносный выпад вперед, и Владимир лишь в самый последний момент сумел отвести удар в сторону.

– Мартин?! – возмутился молодой дворянин.

– Никаких – Мартин! – зарычал испанец, прыгая вперед и нанося очередной удар шпагой. – Враги никогда не станут ждать, пока ты отдохнешь или утолишь жажду, и твои мысли об очередной юной деве их тоже мало заботят!

– Ты обезумел, чертов испанец! – заорал Владимир, отступая назад по коридору конюшни и отражая сыплющиеся на него удары. – Я больше тебе не тот мальчишка, которого

можно шпынять и... А-а-а!... – Волков неожиданно вскрикнул и схватился за окровавленное запястье, которое де Вилья, несмотря на защиту раковины шпаги, каким-то образом, но все-таки умудрился рассечь.

– А дерешься ты все так же, как мальчишка!.. Ладно, думаю, с тебя хватит, – усмехнулся испанец и, повернувшись спиной, зашагал к двери.

Владимир еще раз облизнул окровавленное запястье, почувствовав вяжущий, отдающий металлом вкус крови, а затем, сплюнув, кинулся вперед.

– Не смей поворачиваться ко мне спиной и говорить мне «хватит»! – прокричал он, нанося удар в незащищенную спину испанца.

Но этот прием, впрочем, как и ожидал Владимир, Мартин отбил, даже не поворачиваясь, а лишь перекинув шпагу через себя. Только после этого испанец резко развернулся и толкнул Волкова ладонью в грудь, отчего тот ударился в дверь одного из денников, а его клинок оказался прижат к груди шпагой де Вильи, опустившейся сверху. Таким образом, Владимир был вдавлен в дверь, а его шея оказалась между двух острых лезвий.

– Чертов мальчишка, никогда не смей атаковать меня в спину! – прорычал испанец.

– Ну, я ведь знал, что ты будешь готов, старый мудрый лис, – пролепетал Владимир, косясь на острые лезвия, находящиеся в опасной близости от собственной шеи. Затем он виновато улыбнулся и добавил: – Продолжим?

Испанец расхохотался и, медленно опустив шпагу, отошел назад.

– Значит, волчонок решил немного поскалить зубки?! Ну, что ж, продолжим! – произнес де Вилья, и как сокол поднял правую руку вверх, так чтобы кончик шпаги смотрел прямо на Волкова.

Владимир тут же кинулся в атаку и сделал выпад, но Мартин отбил его шпагу в сторону. Молодой дворянин отпрянул назад и, сделав обманное движение, ударил сбоку, но испанец вновь оказался на высоте. Их клинки все сходились и расходились в загадочном танце стали, высекая искры и завывая от ударов. Владимир продолжал атаковать, наступая вперед и стараясь задеть учителя, испанец же отступал, отводя опасные удары ученика в стороны, но было видно, что на его лице сияет довольная ухмылка.

Атаки Владимира становились все опаснее и молниеноснее. Азарт схватки заставил его забыть обо всем и думать только о клинке и сопернике. «Шпага должна быть продолжением твоего тела», – часто говаривал де Вилья в былые годы, и Волков усвоил этот урок, всегда считая клинок частью себя. Шпага и сейчас являлась продолжением руки, и все чувства заострились на ее кончике, ищущем невидимую лазейку в безупречной защите испанца. И вот, такая лазейка нашлась. Его учитель слишком высоко задрал шпагу, когда парировал очередной удар, и Владимир поспешил воспользоваться этим его упущением, он ринулся вперед и... Мартин развернулся на месте, пропустив шпагу мимо себя, а заодно с ней и самого Волкова и, оказавшись у Владимира за спиной, ударил его кончиком эфеса по макушке.

– А-а-а, черт! – вскрикнул молодой дворянин, хватаясь за ушибленную макушку. – Больно ведь!

– Будь внимателен, – только и сказал Мартин и вновь принял боевую позу, развернувшись в пол-оборота и держа правую руку со шпагой впереди, а левую отведя назад. – Нападай!

И Волков вновь кинулся в атаку...

На улице ярко светило солнце. Дворовая кошка, наслаждаясь последними теплыми днями, улеглась возле входа в конюшню и, закрыв глаза, принялась нежиться в лучиках солнца. Несколько крепостных, глядя на барский дом, что-то бурно обсуждали, наверное, получив задание от Митяя Пафнутича, по приведению усадьбы в надлежащий вид. Авдотья тоже вышла во двор и развешивала мокрые простыни для просушки, как вдруг...

Дверь из конюшни с оглушительным грохотом распахнулась, и из нее вылетел барин, и, чуть не задавив дворовую кошку, успевшую лишь в самый последний момент с возмущенным мяуканьем отскочить в сторону, плюхнулся наземь. А следом за ним вышел испанец и приставил к хозяйской шее острое клинка.

Авдотья выпустила из рук таз, полный чистого, только что выстиранного, белья, и дико заверещала:

– Что ж это делается-то, господи?! Ирод проклятый нашего барина жизни лишает! Мужики!..

Крепостные, занятые делами, обернулись на вопли ключницы и, побросав занятия, поспешили на зов.

– Не верещи, старуха! – прикрикнул на нее Мартин.

– Старуха?! – возмутилась ключница. – Да я... если хочешь знать... может и помоложе тебя буду!

– Тихо, тихо, Авдотья, – поспешил успокоить верную крепостную Владимир. – Мы просто упражнялись.

Де Вилья подал Волкову руку и тот поднялся. Крепостные, прибежавшие на крик, присмирив, встали подле Авдотьи, с небезосновательной опаской поглядывая на шпагу испанца. Может с последнего визита Мартина де Вильи и прошло почти десять лет, но кто он такой и каковы его умения, жители деревни Волковки помнили преотлично.

– Эх, барин, – всплеснула руками ключница. – Не доведут вас до добра ваши забавы! Насадит он вас на свою шпагу когда-нибудь, как мясо на вертел, я батюшке вашему все время это твердила.

– Ты мне еще поговори! – прикрикнул испанец.

– Кстати, о мясе, – произнес Владимир, стараясь разрядить обстановку. – Авдотья, дорогая, приготовь мне, пожалуйста, что-нибудь поесть, а то я так проголодался с дороги. Мартин, ты голоден?

– Вообще-то я уже завтракал, но не откажусь и еще разок!

– Конечно, не откажется, – пробурчала Авдотья. – На чужие шиши то!

– Что ты там сказала? – зарычал Мартин.

– Ой, ничего, ничего! – поспешила оправдаться ключница. – Уже бегу, барин, все сейчас будет, пожалуйста в гостиную, пожалуйста.

– И вина не забудь! – вдогонку Авдотье прикрикнул испанец.

Владимир лишь усмехнулся и возвратил Мартину шпагу.

– А как же наша тренировка? – удивился испанец.

– Я думаю, на сегодня хватит.

– Эх, – недовольно вздохнул Мартин. – Возьмусь я за тебя, волчонок!

– Конечно, возьмешься, Мартин, куда же я от тебя денусь, – расхохотался Владимир и похлопал бывшего наставника по плечу. – Но только не сейчас. Сейчас я голоден. Так что пойдём-с, откушаем-с.

Владимир Волков и Мартин де Вилья сидели в гостиной за столом, ломившимся от всевозможных блюд, любезно приготовленных Авдотьей. Владимир доедал мясо с грибами, а Мартин наполнял очередной бокал вином.

– Так что это за юная дева, amigo, что смогла пленить твое сердце? – делая глоток вина, спросил Мартин.

– Я бы не стал утверждать, что ей удалось пленить мое сердце, – заканчивая с грибами и мясом и переходя к вину, ответил Владимир. – Просто она разожгла в нем искру, которая, я боюсь, может перерасти в пламя.

– Отчего же боишься?

– Она принадлежит другому.

– Ха-ха, – усмехнулся испанец. – И когда же это останавливало тебя, волчонок?

– Проблема в том, что этот другой – мой друг!

– И он хороший amigo?

– Один из лучших! А ты знаешь, как у меня их мало.

– Однако дилемма. Что выбрать: честь и совесть или любовь и страсть?!

– Да, в принципе нет никакой дилеммы, Мартин, – делая глоток вина и отставляя бокал в сторону, произнес Владимир, откинувшись на мягкое кресло. – Любви, как таковой нет, ее просто не существует в природе! А то, что мы по ошибке принимаем за нее, это лишь сильная и мимолетная страсть, со временем перерастающая в привязанность.

– Так мог сказать только человек, испытавший настоящую и сильную amor*, но потерявший ее и взамен получивший болезненный шрам на сердце, как напоминание о прошлых ошибках, – философски заметил испанец.

*Amor (исп.) – любовь

Владимир внимательно, прищутив глаза, посмотрел на Мартина, а затем усмехнулся и произнес:

– Чертов испанец, а я уже стал забывать, что ты намного умнее и хитрее, чем кажешься!

– Облик часто бывает обманчив, и все мы носим маски, притворяясь под гнетом бесчисленных правил и ненужных моральных и этических норм, и только этот чудный божественный дар, – Мартин высоко поднял бокал с вином, – срывает с нас маски и показывает истинную натуру!

– Ну, ты загнул, философ, – расхохотался Владимир. – Вино делает из нас тех, кто мы есть?! По-моему, избыток этого напитка в организме превращает нас в животных и порождает самые низменные желания.

– Это я и имел в виду, мой юный волчонок! – сказал де Вилья. – Мы все по природе своей лишь дикие звери, совсем недавно вышедшие из лесов и спустившиеся с гор. Просто кто-то когда-то наделил нас разумом, чуть выше, чем у наших четвероногих братьев, и привил мораль, эту лживую puta**, скрывающую истинную натуру. А этот чудесный напиток, – испанец сделал глоток и, осушив бокал, продолжил, – между состоянием легкого опьянения и фазой превращения в зверя, дарует нам истину, пусть и на краткий миг. Вся истина в вине, мой amigo, и не ищи другой!

** Puta (исп.) – шляха

– Слова, достойные поэта, – заметил Владимир.

– Отдам их любому из этих стихоплетов по бросовой цене, – нашелся испанец.

– А ты сегодня в ударе, мой друг! Еще вина?

– Конечно! Когда это я от него отказывался, – лукаво усмехнулся Мартин и протянул

Владимиру бокал.

Волков наполнил фужер испанца и, подлив вина и себе, произнес:

– Кстати, завтра мы с тобой приглашены на прием, так что не напивайся сегодня сильно.

– Мы? – удивился испанец. – И кто же это позвал к себе Мартина де Вилью?

– Ну, если быть до конца откровенным, на этот прием приглашен я один, но, думаю, что против твоего присутствия никто возражать не будет, скорее, наоборот, твое появление придаст шарм этому вечеру.

Испанец прищурил глаза, и, лукаво посмотрев на Владимира, произнес:

– По-моему, ты что-то не договариваешь мне, хитрый волчонок. Зачем я нужен тебе на этом вечере? А ну, говори!

– Ну да, тебя не проведешь, старый лис, – усмехнулся Владимир. – Твое присутствие мне действительно необходимо для дела. Хочу поставить на место одного молодого выскочку, имеющего наглость усомниться в твоём существовании, и, как следствие, в моём умении владеть шпагой.

– Каков наглец! – возмутился де Вилья. – Усомнился в моём существовании?! Ну, это уже оскорбление! И отчего же ты сам не насадил его на свою спицу, малыш? – И испанец кивнул в сторону трости со скрытым клинком, лежащую на столике рядом.

– Не представилось возможности, мой дорогой друг. Но я и не хочу нанизывать его на мою, как ты выразился спицу, я всего лишь хочу проучить наглеца и преподать урок.

– Самый хороший урок ты можешь преподать ему, пустив кровь!

– Боюсь, он слишком осторожен для этого.

– Боюсь, тогда он просто трус, – фыркнул Мартин.

– Вот именно! – кивнул Владимир. – А что лучше всего не уязвляет мужское самолюбие, чем доказательство его трусости в присутствии всего света, о котором потом еще долго будут судачить злые языки?!

– Ну и плут же ты, – расхохотался Мартин и потрепал Волкова по голове.

– Поднимем за это наши бокалы!

Они чокнулись и выпили. Владимир вновь принялся наполнять фужеры, а Мартин спросил:

– И что же это за мероприятие, на котором мы будем вынуждены появиться завтра?

– День рождения одной юной и очень милой особы.

– Значит fiesta.

– Почему именно fiesta?

– Fiesta – праздник жизни, мой amigo, а мы ведь будем чествовать жизнь!

– Тогда пусть будет fiesta, – согласился Владимир.

– Подозреваю, что эта юная особа и есть та, что разожгла искру в твоём сердце?!

– От тебя ничего невозможно скрыть, старый лис. Да, это она: Анечка Ларионова, красивое и юное создание, подобное ангелу, спустившемуся с небес.

– Ты ведь хотел оставить эти вздорные мысли во благо своего amigo, – усмехнулся

Мартин.

– Хотел, – кивнул Владимир. – Но они не перестают меня мучить.

– Чаще всего мы не выбираем свою атог, она сама находит нас в самые неожиданные моменты нашего бытия, – со вздохом произнес испанец, а затем сделал глоток вина и, закрыв глаза, минуту помедлил, как бы вспоминая что-то, после чего добавил. – Так было и со мной.

– Ты был влюблен?! – удивился Владимир. – Никогда бы не подумал. Я всегда считал, что твоя истинная любовь – это вино и драки.

– Кое-чего ты все-таки обо мне не знаешь, волчонок, – театрально взмахнув рукой, сказал испанец. – А я ведь когда-то был даже женат и любил до безумия. Ее звали Аделаида – красивая и горячая женщина, как и ее родная Каталония! И я любил ее больше, чем саму жизнь!

– И что же случилось?

– Случился Бонапарт вместе со своим войском, – с грустью произнес де Вилья. – Однажды его армия вошла в наши земли и, грабя и убивая, они двинулись дальше, как языки пламени, врезающиеся в незащитное дерево. Некоторые присоединились к завоевателю, поскольку перешедшим на его сторону были обещаны всяческие привилегии, а слава Наполеона уже далеко шла впереди его армии. Другие, и в их числе оказался я, решили воевать с захватчиком, но присоединиться к войскам я не успел. Однажды ночью Наполеоновская армия напала на наш город. Уцелевших собрали на площади, и Бонапарт объявил, что всем перешедшим на его сторону будет дарована свобода. Тогда я был еще молод и глуп, и честь ценил превыше всего остального, и я отказался. В отместку они надругались над женщинами не присоединившихся к ним врагов, в их числе оказалась и моя супруга... – Испанец глубоко вздохнул, было видно, что даже спустя годы воспоминания тех дней терзают его сердце. – Она не выдержала позора и покончила с собой. Я же, сбежав из плена, присоединился к союзным войскам и, раздираемый ненавистью и жадной мщеньем, стал ярким и безжалостным противником Наполеоновской армии. Один лишь бог ведает, как я был страшен, ведь ни один француз, подвернувшийся мне на поле боя, не уходил живым, я никогда не брал пленных и никогда никого не щадил. Но... а впрочем, не будем о грустном, – натянув привычную надменную улыбку, произнес Мартин. – Давай зальем все эти воспоминания вином, и больше никогда не будем предаваться им.

– Прости меня, Мартин, что я затронул эту тему, – произнес Владимир, в этот момент ему стало жалко бывшего наставника и старого друга, и в сердцах он корил себя за этот разговор.

– Не стоит, – улыбнулся испанец. – Время лечит любые раны, а это было так давно, что я почти забыл.

Владимир хмыкнул.

– Да ладно ты, парень, – похлопал его по плечу де Вилья. – Расслабься, ведь завтра нас ожидает fiesta!

Глава 8

Fiesta

Большую часть следующего дня Владимир провел стоя перед зеркалом, прихорашиваясь или примеряя тот или иной наряд. Мартин, который несколько раз заходил к нему в комнату, все время смеялся или отпускал нелестные шутки типа: «Ну, ты прямо барышня на выданье»,

после чего довольный собой удалялся. Волков пропускал эти замечания мимо ушей и возвращался к делам.

Ближе к вечеру он был готов: вымыт, чисто выбрит, приятно надушен и одет, как с иголки, в черный костюм, замшевые перчатки, блестящий цилиндр и плащ, поверх которого оказался небрежно накинут белоснежный шарф. Как всегда образ дополняла увесистая трость с серебряным набалдашником в виде головы волка. В таком виде молодой дворянин спустился вниз, где его уже давно ожидал Мартин. Увидев Волкова, испанец лишь усмехнулся, хотя и сам, на искусственный взгляд Владимира, выглядел более чем вызывающе: в высоких сапогах до колен, коричневой куртке из мягкой кожи и темно-зеленом плаще, один конец которого оказался перекинут через плечо, а другой, проходя под мышкой, соединился на груди золотой цепочкой; на голове у Мартина красовалась широкополая шляпа с павлиньим пером, а в левом ухе поблескивала жемчужная серьга.

– Вот так должен выглядеть настоящий мужчина! – гордо заявил испанец.

– Прости меня, Мартин, – усмехнулся Владимир, – но, я думаю, что перья мне не пойдут.

– Каков наглец! – возмутился испанец. – Я купил эту шляпу в самом Мадриде и там это последний писк!

– Возможно, в Мадриде перья и правда в моде, но у нас... ты больше похож на расфуфыренную курицу!

– Гнусный мальчишка! – взревел де Вилья. – Если ты еще раз что-нибудь скажешь о моей шляпе, я не посмотрю на то, что ты стал взрослым и разукрашу твою задницу пряжкой своего ремня, как в былые годы!

– Хорошо, хорошо, – постарался успокоить наставника Волков. – Как тебе будет угодно. И, если хочешь знать, у тебя довольно миленькая шляпка, у нас такие тоже носят... – Владимир отступил на шаг и добавил, – правда, лишь дамы.

Де Вилья покраснел, а его глаза наполнились негодованием, и он уж было открыл рот, чтобы хоть что-то возмущенно сказать, но Владимир опередил его:

– Не кипятись, Мартин, я пошутил! Давай обсудим новые веянья моды как-нибудь в другой, более удобный момент, а пока предадимся более насущным делам. К тому же мы уже опаздываем! Карета подана, так что поторопимся.

– Карета, тоже мне карета, – пробурчал Мартин. – Знаю я твои кареты! Так, старый скрипучий экипаж! Но ты как всегда выкрутился, *sachorro**. Если бы не этот прием, я бы надрал твою задницу!

* *Sachorro* (исп.) – щенок

– Какое счастье, что он меня спас, – усмехнулся Владимир и направился к выходу. – Кстати, а твоя серьга довольно мила.

– Правда?

– Нет, я опять пошутил.

– Гнусный мальчишка!..

Не прошло и часу, как их экипаж прибыл к парадной поместья Ларионовых. В дверях

гостей встречали слуги, которые, любезно кланяясь, забирали у вновь пришедших верхнюю одежду и показывали, куда следовать дальше. Владимир отдал им макинтош и цилиндр, Мартин тоже скинул плащ-накидку и уже собирался снять шляпу, как вдруг один из слуг произнес:

– И шпагу, господин.

– Что? – возмутился испанец. – Ты хочешь, чтобы я отдал тебе свою шпагу?! А, может, мне еще и кальсоны снять и пойти на прием к твоей госпоже с голым задом?!

– Нет, господин, – пролепетал напуганный слуга. – Я прошу у вас только шпагу.

– Мартин, не паясничай, – произнес Владимир. – Просто отдай ему шпагу, здесь так принято.

– Почему же тогда они не просят твою трость?

– Потому-что это всего лишь трость! – с нажимом на последнее слово, сказал Волков.

– Всего лишь трость! – передразнил испанец.

– Ах, кто это у нас тут возмущается? – раздался неожиданно чей-то голос, и Владимир тут же признал его, отметив про себя, что у мадам Ларионовой должно быть дар, всегда появляться не к месту. Впрочем, его негодование быстро сменилось улыбкой, а глаза просияли, когда он увидел, что вслед за маман спешит и дочка.

– Bonjour, Елизавета Федоровна, bonjour, Анечка, – любезно улыбнулся Волков.

– А, Владимир, я отчего-то так и подумала, что это именно вы, – лениво произнесла мадам Ларионова, наводя на испанца лорнет. – Ах, кто это с вами?

– Это мой старый друг и наставник...

– Мартин де Вилья, к вашим услугам, сударыни, – снимая перед дамами шляпу, отчеканил испанец. Затем он нежно обхватил ручку Елизаветы Федоровны и, поцеловав ее, произнес: – Владимир сказал мне, что мы едем на день рождения к одной юной даме, но он и словом не обмолвился, что у нее такая красивая старшая сестра.

Мадам Ларионова покраснела, как должно быть не краснела уже много лет, и, в смятении отдернув руку, произнесла:

– Вы мне бессовестно льстите!

– Отчего же, мадам? – разыграл истинное удивление Мартин. – Вы так похожи на эту юную даму, – испанец кивнул в сторону Ани, скрывающей улыбку за нежно голубым бархатным веером, и добавил, – кем вы еще можете ей приходиться, как не сестрой?

Владимир тоже в этот момент еле сдерживал усмешку, опасаясь, что Елизавета Федоровна рассердится, но обаяние Мартина оказалось на высоте, и мадам Ларионова поддалась ему. Она игриво рассмеялась и, махнув на льстеца рукой, произнесла:

– Ох уж мне эти испанцы, они все такие галантные, не то, что наши ухажеры! – Затем она перевела взгляд на Волкова и произнесла: – Владимир, вы поступили верно, пригласив друга. Думаю, он всем придется по нраву.

– Я в этом не сомневаюсь, мадам, – кивнул Владимир.

– А теперь проходите и не задерживайте гостей, – сказала Елизавета Федоровна. – Поднимайтесь наверх, там уже почти все собрались.

– Я провожу их, маман, – робко произнесла Аня.

– Нет, нет, – отвергла это предложение мадам Ларионова. – Ты останешься со мной, доченька, и будешь встречать гостей, как и подобает приличной барышне.

– Хорошо, маман, – кивнула Аня.

– Не волнуйтесь, – подмигнул девушке Владимир. – Мы никуда не убежим и будем с

нетерпением вас ожидать. К тому же, я еще не вручил вам подарок!

– Да, и что же это? – с нетерпением спросила Аня.

– Надеюсь не очередной дикий зверь?! – сказала мадам Ларионова. – Ваш вчерашний подарок загадил нам все ковры в доме!

– О нет, мадам, – улыбнулся Владимир. – Мой нынешний подарок куда более безобиден. Он лишь влияет на человеческие умы, хотя многие могут найти это куда опаснее, чем загаженные ковры.

И Волков протянул Ане книгу, скрытую под подарочной бумагой.

– Помнится, вы говорили мне, что любите читать, но у вас не всегда это получается из-за недостатка книг, поэтому я решил подарить вам свою любимую. Надеюсь, она вам понравится. С днем рождения, Аня!

– Спасибо, Владимир, – сказала Аня и, улыбнувшись, поцеловала молодого дворянина в щеку, на что Елизавета Федоровна всплеснула руками, а затем принялась объяснять дочке, как должны вести себя приличные дамы.

Аня покраснела и покорно принялась слушать нотации матери, зато в ее глазах Владимир разглядел радость этому легкому бунту. В этом состоянии Волков и его наставник оставили дам и пошли наверх к остальным гостям.

– А ты приглянулся мадам Ларионовой, – произнес Владимир.

Мартин лишь фыркнул.

– А мне кажется, вы бы подошли друг другу, – продолжил Волков. – Она вдова, к тому же владеет неплохим состоянием...

– Меня не привлекают старушки, – отрезал Мартин.

– Ну, в старушках тоже есть свои плюсы: они опытны в любовных утехах и, самое главное, их век короток.

– Ха, – усмехнулся испанец. – С моим-то образом жизни, боюсь, что она проживет дольше. К тому же меня не привлекает перспектива окончить свои дни в России.

– А где же? На родине?

– Конечно! Мужчина, если ему не посчастливилось умереть на поле боя, забрав с собой как можно больше врагов, должен умирать на той земле, которая его и породила: пьяный, довольный и под звуки музыки. Вот вернусь домой, женюсь на какой-нибудь молодой и горячей испанке и заживу спокойно у себя на фазеекнде, разводя быков для корриды.

– Ты заживешь спокойно?! – удивился Владимир. – И будешь разводить быков?! Прости, но я не могу в это поверить – спокойная жизнь не для тебя!

– Ошибаешься, волчонок! В старости даже самым отчаянным сорвиголовам хочется немного мира и покоя, – тут Мартин усмехнулся и добавил, – и нежных женских объятий, чтобы скрасить последние дни существования!

– Ты не меняешься, старый лис! – рассмеялся Владимир и похлопал наставника по плечу.

Меж тем, длинная лестница, ведущая на второй этаж особняка Ларионовых, кончилась, и перед приятелями открылся большой, заполненный людьми зал. Дамы и господа в вечерних платьях и туалетах, разбившись по группам, мило беседовали. Завидев вновь пришедших, многие одарили их взглядами, большая часть которых оказалась направлена к испанцу и его необычному, не свойственному российской публике, виду.

– А ты здесь самая пестрая птица, мой друг, – произнес Волков и, ударив кончиком трости по паркетному полу, гордо пошел вперед.

– Владимир! – тут же раздался окрик.

Молодой дворянин обернулся и увидел спешащего к нему через весь зал Зайцева.

– Рад тебя видеть, Павел, – пожав руку друга, произнес Волков.

– А я то как рад, дружище! – не удовлетворившись пожатием руки и приобняв друга, воскликнул Зайцев. – Без тебя здесь так скучно: Анечка вместе с маменькой встречает гостей внизу, Орлов уже в который раз пересказывает свои кавказские байки, а я вынужден слушать их и скучать. Бог ты мой, кто это с тобой?! – только тут сияющие голубые глаза Павла разглядели испанца стоящего рядом, – Неужели это и есть легендарный Мартин?!

– Да, это именно я – Мартин де Вилья!

– Несказанно рад встрече! – пожав руку новому знакомому, произнес Зайцев. – Я столько о вас слышал!

– Обрадован, что моя слава меня опережает, – растянув губы в улыбке, сказал Мартин.

– Так чего же мы ждем? – произнес Павел. – Пойдемте быстрее к остальным и представим им твоего друга. Мне кажется, что кое-кто будет удивлен, увидев его. – И Зайцев подмигнул другу.

– На это я и рассчитываю, – усмехнулся Владимир.

Но двинуться дальше им не удалось, так как к господам неожиданно подошла Аня, небрежно помахивая веером и мило улыбаясь.

– О, моя красавица, вы здесь?! – проворковал Павел.

– Неужели маменька вас отпустила? – спросил Владимир.

– Да, – кивнула Аня. – Все гости уже прибыли и маменька сейчас отдает последние распоряжения слугам, а те накрывают на стол.

– Отличная новость, – ухмыльнулся Мартин. – Я так голоден, что съел бы лошадь!

– Ну, господин де Вилья, лошади я вам не обещаю, – произнесла Аня. – Но искренне надеюсь, что наш праздничный ужин придется вам по вкусу, там будут и рябчики и кролики...

– Надеюсь, что мой заяц не окажется в числе блюд, – пошутил Волков.

– Конечно же, нет, Владимир, как вы могли обо мне такое подумать?! Маменька, конечно, хотела отдать его на кухню, но я уговорила ее этого не делать.

– Твой заяц? – с непониманием посмотрел на друга Зайцев.

– Да, мой заяц, – кивнул Владимир. – Правда, он уже не мой, но...

– Теперь он мой, – перебила Аня. – При нашей последней встрече месяце Волков подарил мне его.

– При вашей последней встрече? – удивился Павел.

– Уверяю тебя, это была всего лишь случайность, – сказал Владимир. – Я возвращался с охоты и встретил Аню...

– Кто знает, была случайность ли это, – подмигнув Волкову, произнесла Аня. – Вы ведь специально возвращались через наши земли, Владимир. Лично мне приятно думать, что вы жаждали случайной встречи со мной. – И девушка звонко рассмеялась, поспешив скрыть улыбку за кружевами веера.

Зайцев с негодованием посмотрел на Аню, а затем на Владимира, но Волков покачал головой и с нажимом произнес:

– Уверяю вас, мадмуазель, что это была всего лишь случайность, мне просто хотелось развеяться и проверить прыть моего жеребца, потому я так далеко и уехал от своих земель.

– Кто знает, – улыбнулась Аня. – Но мне опять пора. Маменька уже заждалась. Сейчас

мы будем всех приглашать за стол, так что не расходитесь далеко, господа... И, Владимир, я надеюсь, что сегодня вы подарите мне танец!

– Всенепременно, – кивнул Волков, тайком бросив взгляд на Павла, который покраснел от негодования.

И Анечка удалилась, оставив господ одних.

– Владимир, мне кажется, я что-то не так понял? – возмущенно произнес Павел, в упор глядя на друга. – Или ты решил приударить за Анечкой, не смотря на мои чувства к ней?!

– Это не совсем так, дружище, – поспешил оправдаться Волков.

– Что значит не совсем?

– Прости, я не так выразился... Уверяю тебя, у меня и в мыслях ничего подобного не было!

– Но ее слова и взгляды говорят об обратном!

– Павел, послушай...

– Ничего не хочу и слушать! – замотав головой, произнес Зайцев. – Прости меня, друг!.. Честь имею!

И, кивнув Владимиру, разгоряченный Павел поспешил прочь, расталкивая господ и дам.

– Похоже, эта Анечка еще та сердцеедка! – многозначительно хмыкнув, заключил Мартин.

Владимир посмотрел на испанца, открыл было рот, но потом опустил голову и промолчал.

В этот момент гостей начали приглашать к столу.

– Не печалься, amigo, – положив руку на плечо ученика, произнес Мартин. – Жизнь – это всего лишь череда мелких недоразумений! Пошли же за праздничный стол, выпьем вина и забудем об этой мелкой несуразице!

Владимир кивнул, и они с Мартином двинулись к столу, за который уже стекались остальные гости. Стол оказался богато накрыт и украшен, он ломился от различных блюд и яств, среди которых оказались царская уха из трех видов рыб на первое, утка, запеченная с апельсинами и красной капустой фламбе, с вишневым соусом, буженина из дикого кабана и осетрина, в сливочном соусе на второе. Помимо этого на столе имелось великое множество закусок и различных салатов и, конечно же, вино и шампанское всех видов. У Мартина, увидевшего все это, заблестели глаза, и он, аппетитно облизнувшись, произнес:

– Сегодня живем!

Все поспешили за стол. Аня с маменькой сидели во главе, Владимир с Мартином разместились рядом, напротив них по другую сторону оказались Зайцев, Орлов и граф Рябов со своим незабвенным спутником, бравым гусаром Смолиным. Волков кивнул им и получил такой же кивок в ответ. Граф с интересом посмотрел на испанца, затем спросил что-то у Павла, тот как-то растерянно ответил и граф переключился на Смолина, зашептав тому что-то на ухо.

«Интересно, о чем это они там шепчутся?» – подумал Владимир, но возможности расслышать их разговор у него не имелось.

Все подняли первый бокал за именинницу и принялись за яства. Потом последовал второй тост за родителей Анечки: покойного Петра Карловича помянули добрым словом, а Елизавете Федоровне пожелали долгих лет жизни. Следующий тост был за любовь, и имениннице пожелали самого лучшего и самого богатого супруга, который только может сыскаться. В этот момент Владимир поймал на себе лукавый взгляд Ани, но отвечать на него

не стал и отвел взор в сторону, краем глаза увидев, как недовольно смотрит на него Зайцев. Друг явно ревновал его к возлюбленной, и на эту ревность он имел все основания, и повод, который Волков сам неосторожно даровал ему. Аппетит Владимира оказался испорчен, а в голову украдкой полезли недобрые и мучительные мысли.

Зато на аппетит Мартина ничто не могло повлиять, испанец ел за двоих, а вино пил за троих, меж тем успевая общаться с публикой, проявляющей к нему недюжинный интерес, и перешучиваться с Елизаветой Федоровной, чей интерес оказался выше всех прочих.

После того, как все наелись, заиграла музыка и те, кто помоложе направились танцевать мазурку. Владимир намеренно остался за столом и сделал вид, что о чем-то увлеченно беседует с Мартином, а сам краем глаза принялся наблюдать за Аней. К девушке подошел Павел и пригласил ее на танец, та не отказала ему, и они бросились в пляс... Владимир с облегчением вздохнул.

– Самый подлый поступок – это предавать свое сердце, – поняв, о чем думает Волков, заметил де Вилья. – Она же нравится тебе?! Так иди же и танцуй с ней и не обращай внимания на этого занудного пижона.

– Иногда велению сердца лучше предпочесть голос разума, – произнес Владимир. – Этот занудный пижон – мой лучший друг и я бы очень не хотел ранить его чувства.

– Но... – начал, было, Мартин, но Волков перебил его:

– Я знаю наперед, что ты скажешь, мой дорогой друг, но не стоит!

– Как хочешь, – пожал плечами Мартин и подвинул к себе поближе графин с вином.

Тут к ним подошел Орлов и дружески похлопал Волкова по плечу.

– Друг мой, Владимир, приветствую тебя! – звучно сказал он и улыбнулся в густые усы. – Представь меня своему товарищу.

– Алексей Орлов, Мартин де Вилья, – без лишних слов коротко бросил Владимир и украдкой поглядел туда, где танцевали Павел и Аня.

– Это большая честь для меня – познакомится с вами, – присаживаясь рядом, сказал Алексей. – Я столько слышал о вас и о вашем искусстве. Могу ли я рассчитывать на то, что вы дадите мне пару уроков?

– Рассчитывать можешь, – усмехнулся Мартин. – Но обещать не буду, поскольку задерживаться в России надолго я не собираюсь. Скоро наступят холода, а у вас такие суровые морозы, что, боюсь, очередной зимы здесь я не переживу. Сам не представляю, как я выдерживал их раньше, наверное, пил вина больше, чем обычно!

– С учетом того, сколько ты пьешь, твоя кровь уже давно должна была превратиться в спирт, и ты вообще не должен чувствовать холода, – пошутил Волков.

Танец Павла и Ани закончился, и Владимир увидел, как они оба устремились к ним. Зайцев выглядел вполне довольным, Аня же просто сияла.

– Господа, а что это вы грустите и не танцуете? – подойдя к столу, спросила Аня.

– Мы наслаждаемся вином, мадмуазель, и милой беседой, – за всех ответил Мартин.

– Владимир, а вы ведь обещали мне танец?! – неожиданно произнесла Аня.

Волков поднял голову и увидел, как лицо Павла опять помрачнело, но правила приличия требовали от него исполнения обещания и, вставая из-за стола, он сказал:

– С превеликим удовольствием, сударыня.

Взяв Аню за руку, Владимир повел ее вглубь зала, где танцевали другие пары. В центре левой рукой он обхватил Аню за талию, а правой сжал ее маленькую ручку, и они закружились в такт завораживающей музыки. Приятный весенний аромат ее духов проникал

в мозг и медленно пленял его, ее черные красные глаза с восхищением смотрели на него, алые губы мило улыбались, а гладкая кожа рук заставляла трепетать. Танец закружил им головы, и Волков ощущал прерывистое и приятное дыхание девушки на своей шее. Ощущать объект вожделения так близко оказалось одновременно и божественно приятно и дьявольски невыносимо, поскольку Владимир знал, что сейчас за каждым их движением следит пристальный и ревнивый взгляд Зайцева.

– Как вы божественно танцуете, Владимир, – произнесла Аня.

– Спасибо. В танцах у меня большой опыт.

– Как и во многом другом, перед местными кавалерами.

– Вы намекаете на Павла?

– И на него тоже!

– Зачем вы делаете это с ним?! Он ведь безумно вас ревнует.

– Ну и пусть ревнует, ему это полезно. К тому же я ничего не обещала.

– Но он влюблен в вас, и, я думал, что вы тоже влюблены в него.

– Признаться честно, я думала так же... пока не встретила вас, – неожиданно сказала Аня и отвела взгляд в сторону. – Но молчите, давайте не будем об этом сейчас.

– Как вам будет угодно, – произнес Владимир, не понимая, радоваться ему в этот момент или напротив.

Когда танец закончился, Волков раскланялся с Аней и направился к столу, где Мартин беседовал с Орловым. Павла уже не было, и Владимир спросил у друзей, где он.

– Отправился с графом на балкон выкурить трубку, – ответил Алексей.

– Думаю, нам стоит присоединиться к ним, – предложил Владимир. – Мне бы очень хотелось повидаться с графом. – И он подмигнул Мартину.

– Так чего же мы ждем?! – допив бокал вина и вытерев губы салфеткой, произнес испанец. – Я бы тоже с превеликим удовольствием проветрился.

И друзья направились на воздух.

На большом полукруглом балконе, с которого открывался чудесный вид на вечерние окрестности владений Ларионовых, друзья нашли Павла в компании графа Рябова и бравого гусара Константина Смолина в начищенном до блеска мундире.

Владимир вежливо раскланялся, пожав руку Смолину, и надменно заглянул в холодные глаза графа, в которых, к своему удовольствию, он прочел легкое смятение.

– Позвольте представить вам, господа, моего наставника Мартина де Вилью, – кивая в сторону испанца, произнес Волков.

Смолин и Рябов вежливо раскланялись с Мартином.

– Интересно, что же привело вашего друга в Россию? – спросил граф.

– Как и меня, сюда его привела кончина моего батюшки, – ответил Владимир.

– Как это кстати, – усмехнулся граф.

– На что это ты намекаешь? – повысив голос и глядя в упор на Рябова, спросил Мартин.

– Да, в общем-то, ни на что, – спокойно ответил граф. – Просто совсем недавно мы говорили о вас, любезный де Вилья, памятуя, как жалко, что вас нет в России, и вы не можете потешить нас своим искусством, столь расхваленным вашим учеником.

– Я что, по-вашему, похож на ярморочного шута, чтобы потешать других?! – возмутился Мартин.

– Ну что вы, – примирительно поднял перед собой руки граф. – Возможно, я просто не так выразился.

– Впредь выражайся более верно, мальчишка, – сурово взглянув на Рябова, сказал Мартин, – иначе я насажу тебя на свою шпагу!

– По-моему, вы забываетесь, де Вилья?! – не отводя взгляда от суровых очей испанца, произнес граф. – Вы разговариваете с дворянином, а, насколько я понял, никакого титула вы не имеете, вы всего лишь наемник и учитель фехтования, поэтому знайте свое место!

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/2b4>